

21 век. Библиотека школьника

А. Дюма

21 век. Библиотека школьника

Александр Дюма
Три мушкетера
(адаптированный пересказ)

«Автор»

2014

УДК 821
ББК 84(4)

Дюма А.

Три мушкетера (адаптированный пересказ) / А. Дюма —
«Автор», 2014 — (21 век. Библиотека школьника)

ISBN 978-5-4458-8656-3

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам. В книгу вошел самый известный роман классика французской литературы «Три мушкетера».

УДК 821
ББК 84(4)

ISBN 978-5-4458-8656-3

© Дюма А., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Часть первая	6
1. Незнакомец из Менга	6
2. Господин де Тревиль	11
3. Земляки	13
4. Отважный Атос, хвастливый Портос и учтивый Арамис	16
5. Д'Артаньян и три мушкетера против гвардейцев кардинала	19
6. Королевская награда	22
7. Будни мушкетеров	27
8. Господин Бонасье	30
9. Один за всех и все за одного!	33
10. Засада	36
11. Встреча на Новом мосту	39
12. Герцог Бекингэм	41
13. В застенках Бастилии	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

А. Дюма

Три мушкетера

© Родин И. О., текст, 2014

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

Часть первая

1. Незнакомец из Менга

Ласковое весеннее утро (а дело происходило в апреле 1625 года) выдалось в городке Менге беспокойным. Под взволнованные крики женщин и детей мужчины натягивали доспехи и поспешно вооружались. Они торопились к гостинице «Вольный Мельник», где уже всю шумела толпа любопытных.

В те времена подобные сборища никого не удивляли – ведь жизнь приносила столько волнений. Знатные господа с оружием в руках доказывали друг другу собственное превосходство, король состязался с кардиналом, а самому королю беспрерывно докучали испанцы. Вся эта борьба, так сказать, лежала на поверхности и признавалась официально; но кроме того редкий город не мог похвастаться, что раз в неделю его улицы не окрашивались кровью то бродяг, то гугенотов, то воров, то слуг, которые воевали со всеми подряд просто ради того, чтобы воевать. Именно поэтому жители Менга, по укоренившейся привычке, кто с мушкетом, кто с бердышом, в то апрельское утро спешили к гостинице, ибо только там, в центре города, можно было наверняка выяснить причину сегодняшних беспорядков.

А у гостиницы их взорам представал молодой человек, чем-то похожий на Дон-Кихота, только юного, восемнадцатилетнего, без лат и копья, без верного оруженосца и пока что без образа прекрасной Дамы в сердце. На юноше были потертая куртка и берет, украшенный подобием пера. По такому головному убору легко было признать гасконца, но и без берета в облике отважного молодого человека сквозили черты, свойственные уроженцам этой славной провинции. У юноши было смуглое лицо, открытый и умный взгляд, тонкий нос с горбинкой, выступающие скулы, свидетельствовавшие о хитрости их обладателя. В первый момент молодого человека можно было принять за сына какого-нибудь фермера, отправившегося в город на рынок, однако длинная шпага, что при каждом шаге ударялась о ноги своего владельца, свидетельствовала совсем о другом.

Кроме того, молодой гасконец мог похвастаться тем, что пустился в путь верхом на коне. Конь его имел столь выдающиеся данные, что поневоле привлекал всеобщее внимание. Юноша ехал на мерине какой-то фантастической желто-рыжей масти. На вид коню можно было дать лет двенадцать, а то и все четырнадцать. Хвост мерина давно облез, и дорога давалась ему весьма нелегко. Конь брел, низко опустив голову, и в день мог бы покрыть расстояние не более, чем в восемь лье. Сознание того, что странная масть лошади может бросить тень и на самого всадника (а в те времена все понимали толк в лошадях), сильно задевало гордость молодого гасконца, имя которого, к слову сказать, было д'Артаньян.

Дело в том, что странная лошадь была прощальным даром д'Артаньяна-отца своему сыну. И, хотя было совершенно очевидно, что конь вряд ли стоит больше двадцати ливров, слова, которыми отец напутствовал юношу перед отъездом, были бесценны.

– Сынок! – обратился к д'Артаньяну отец. – Я даю тебе с собой пятнадцать экю, добрые советы и коня. Этот конь появился на свет в нашем доме около тринадцати лет назад. Все это время он служил мне верой и правдой, а это уже кое-что да значит, и должно и в тебе вызывать уважение. Не продавай его, что бы ни случилось, жалея, как жалел бы старого и верного слугу. Когда же тебя примут при дворе – а я не сомневаюсь, что тебя примут при дворе, ведь ты отпрыск древнего и уважаемого рода, – храни пуще глаза честь наших близких, не покоряйся никому, кроме короля и кардинала, а путь себе пробивай единственно мужеством. Вступай в бой по любому поводу, ибо, поскольку дуэли теперь запрещены, нужно иметь в два раза больше мужества, чтобы драться на дуэли. Матушка снабдит тебя в дорогу чудодействен-

ным бальзамом, секрет которого известен только ей. Бальзам этот способен врачевать любые раны, кроме сердечных. Надеюсь, ты будешь жить счастливо. Мой долг только указать тебе пример для подражания, направить к человеку, который некогда был нашим соседом и которому я очень доверяю. Я дам тебе рекомендательное письмо к господину де Тревилю, капитану мушкетеров. Его весьма ценит король и немного побаивается кардинал, а этот достойнейший человек вообще мало кого боится. Я знаю, что господин де Тревиль, теперь богатый человек, начинал в Париже, как и ты, почти без гроша в кармане. Уверен, он не оставит тебя своим покровительством. Отдай ему мое письмо и действуй так же, как он.

После всего сказанного отец вручил сыну собственную шпагу, расцеловал и благословил.

Прощание с матерью длилось дольше и показалось д'Артаньяну нежнее – не потому, что отец меньше любил его, а потому, что внушал сыну: чувствительность не пристала мужчине. Надо сказать, что сам молодой гасконец при прощании с матерью пролил немало горьких и искренних слез, что, конечно же, характеризует его с самой лучшей стороны.

Итак, пустившись в путь со всеми дарами родителей, а также с изрядным запасом запальчивости, д'Артаньян каждую улыбку воспринимал как оскорбительную усмешку по адресу своего коня, а то и чего доброго, по своему адресу. И все же, несмотря на весьма воинственные намерения молодого человека, ни разу, пока он ехал от родного Тарба до Менга, ему не пришлось вынуть шпагу из ножен. Однако, у ворот «Вольного Мельника» д'Артаньян заметил высокого дворянина с надменным и неприветливым лицом. Молодой гасконец напряг слух и уловил, что дворянин с важным видом перечислял двум почтительно его слушавшим спутникам достоинства клячи д'Артаньяна. Слушатели при каждой фразе разражались хохотом.

Юноша решил, что первым делом надо как следует рассмотреть лицо нахала, который осмелился высмеивать его столь откровенным образом. Перед ним стоял человек лет сорока, одетый в мятый, видимо, долго пролежавший в сундуке, фиолетовый камзол. Лицо у него было бледное, нос крупный, а черные усы аккуратнo подстрижены. Д'Артаньян был тонкий наблюдатель и инстинктивно почувствовал, что этот незнакомец, возможно, сыграет в его жизни не последнюю роль.

– Эй! – закричал д'Артаньян, от гнева сразу позабыв все гордые и высокомерные фразы, которые готовился бросить в лицо своему обидчику (он подметил некоторые особенности поведения знатных дворян, проезжавших иногда через его родной город и теперь старался им подражать). – Вы, там! Соблаговолите мне объяснить, над чем вы смеетесь! Может, я тоже посмеюсь!

– Я не с вами разговариваю, молодой человек, – насмешливо отозвался черноусый. Кажется, он был удивлен, что странные упреки обращены именно к нему.

– Зато я разговариваю с вами! – не смутился юноша и при приближении незнакомца потянул шпагу из ножен.

– Позвольте, сударь. Смеюсь я редко, – произнес дворянин, – однако, полагаю себя вправе делать это, когда мне заблагорассудится.

– Увы! – распаляясь еще больше воскликнул д'Артаньян. – Я не позволю вам смеяться, если это не нравится мне!

– Неужели? – с нескрываемой иронией переспросил незнакомец. – В таком случае, это ваше право.

Вымолвив это совершенно спокойным тоном, дворянин невозмутимо развернулся и двинулся к воротам гостиницы, где стояла оседланная лошадь.

Впрочем, дворянин, как говорится, не на такого напал. Кто-кто, а д'Артаньян уж ни за что не отпустил бы безнаказанным человека, который осмелился насмеяться над ним. Юноша выхватил шпагу и ринулся вслед наглецу.

– Обернитесь, милостивый государь! Иначе мне придется ударить вас сзади!

– Вы забываетесь, милейший! – презрительно, но с некоторой долей уважения в голосе произнес незнакомец, а потом добавил сквозь зубы: – Подумать только! А его величество повсюду ищет храбрецов для своей роты мушкетеров! Какой прекрасный был бы для него вариант...

Д'Артаньян сделал резкий выпад. Незнакомец еле успел отскочить и выхватить шпагу. Дело принимало серьезный оборот.

Однако трактирщик и его подручные, кто с палкой, кто с лопатой в руках набросились с разных сторон на д'Артаньяна. Это дало вельможе возможность спокойно вложить шпагу в ножны.

– Черт знает что! – буркнул он себе под нос, пока д'Артаньян отражал нападение трех противников. – Посадите его на эту апельсиновую клячу, и побыстрее. Пусть катится на все четыре стороны.

– Э, нет! – отбиваясь от ударов нападавших крикнул д'Артаньян. – Сначала я отправлю тебя на тот свет!

– Неисправимый гасконец! – буркнул незнакомец. – Наподдайте-ка ему хорошенько, пока он сам не запросит пощады.

Вельможа, конечно, не имел чести знать д'Артаньяна, иначе он не стал бы говорить такие вещи. Какой же молодой человек добровольно признается в том, что силы неравны, или что он раздумал драться? Так что сражение продолжалось до тех пор, пока кто-то из противников ударом палкой не переломил шпагу молодого гасконца. Следующий удар рассек д'Артаньяну лоб, и юноша повалился на землю.

Тут-то как раз и подросли почтенные горожане, жаждущие узнать, что стало причиной шума у гостиницы «Вольный Мельник».

Опасаясь, что неумеренное любопытство и, как следствие, непременные сплетни собравшихся могут повредить репутации его заведения, хозяин распорядился, чтобы д'Артаньяна отнесли в кухню и промыли рану. Он лично проследил, чтобы молодого человека устроили поудобнее и даже сам подложил ему под голову подушку. Когда трактирщик опять вышел во двор, незнакомый дворянин осведомился о самочувствии д'Артаньяна.

– Ему лучше, – сообщил хозяин. – Впрочем он до последнего звал вас, ругался и требовал продолжения поединка. Пока он был в обмороке, я лично обшарил его карманы. Улов невелик – одиннадцать экю, да сорочка в узелке. Но он сущий дьявол. Уже теряя сознание, он все повторял, что если бы нарвался на вас в Париже, вам пришлось бы горько сожалеть о своем поступке. Кстати, он не раз упоминал имя господина де Тревиля и при этом похлопывал себя по карманам.

– Ну же! – нетерпеливо перебил трактирщика незнакомец. – Готов побиться об заклад, что вы тотчас вывернули его карманы.

– А как же, ваша светлость! – усмехнулся хозяин. – И даже нашел то, что искал. Письмо к капитану королевских мушкетеров, господину де Тревилю.

– Я щедро отблагодарю вас, если вы поможете мне избавиться от этого назойливого гасконца. Понимаете ли, мое положение не позволяет мне его просто убить. А между тем, он может помешать мне в одном очень важном деле, которое потребует от меня напряжения всех сил. Мне надо торопиться. Где моя лошадь?

– Ваша лошадь уже оседлана и ждет вас, ваше сиятельство.

– Где вещи этого гасконца?

– Камзол и сумка внизу, на кухне.

Незнакомец повернулся и пошел в дом, с сомнением качая головой.

Возможно, именно присутствие в гостинице д'Артаньяна заставило знатного и богатого вельможу пуститься в путь раньше задуманного. Это беспокоило трактирщика, так как он надеялся как можно дольше задержать дворянина в Менге и вытянуть из него побольше звонких

пистолей. Едва д'Артаньян пришел в себя, трактирщик принялся уговаривать юношу, поскорее отправиться в путь во избежание дальнейших конфликтов. Но когда молодой человек стал спускаться с лестницы, он заметил, что у окна на улице стоит его недавний обидчик и преспокойно беседует с дамой. Дама сидела в карете, запряженной парой великолепных нормандских лошадей.

Д'Артаньян имел одну особенность, очень помогавшую ему при общении с незнакомыми людьми. Он успевал мгновенно схватывать все черточки, все оттенки настроения, мелькавшие хоть на секунду на человеческом лице. Юноша мигом разглядел собеседницу незнакомца.

Ее необычная для Южной Франции красота поразила д'Артаньяна. В карете сидела молодая, не более двадцати двух лет отроду, дама с роскошными белокуроыми локонами до плеч. Ее бледная кожа подчеркивала голубизну томных глаз, а белизну щек оттеняли очаровательные розовые губы.

Впрочем, надо отдать д'Артаньяну должное – он не потерял голову при виде этого прекрасного создания, напротив, каждый обрывок фразы, случайно подслушанный им в этот момент, отпечатался у него в памяти, что также впоследствии сослужило ему хорошую службу.

– Стало быть, по приказу его высокопреосвященства... – произнесла вполголоса дама.

– ... вы возвращаетесь в Англию и немедленно извещаете господина кардинала, если герцог Бекингэм уедет из Лондона. Остальные распоряжения найдете в этом ларце. Я возвращаюсь в Париж.

– А наглый юнец останется безнаказанным?

– Наглый юнец сам проучит кого следует! – вскрикнул д'Артаньян и, забыв о ране, стремглав бросился вниз по ступенькам. – Надеюсь при даме вы не броситесь от меня наутек, милостивый государь?

Незнакомец схватился за шпагу, но женщина знаком остановила его.

– Вы сейчас не принадлежите себе, – вполголоса проговорила она. – Если с вами что-то случится, все пропало...

– Вы правы, миледи, – согласился незнакомец и, совершенно неожиданно для д'Артаньяна, вскочил в седло. Миледи сделала знак кучеру, тот взмахнул кнутом, и пара коней рванула с места. Незнакомец и его собеседница поскакали в противоположные стороны, оставив раздосадованного гасконца ни с чем.

– Трус! Подлец! – кричал д'Артаньян, пытаясь догнать незнакомца. Однако от слабости после полученной раны юноша пошатнулся и упал в пыль. Трактирщик поспешно подбежал к нему. Богатый постоялец ускакал бесследно, а у молодого гасконца, как знал хозяин, были в кошельке целых одиннадцать экю. Хитрец рассчитывал на то, что, поскольку рана д'Артаньяна требовала ухода, большая часть этих денег переключит в его карман.

Однако не таков был д'Артаньян, чтобы попусту застревать в такой дыре, как городишко Менг, когда его ждали блестящие перспективы в Париже. На другое утро юноша поднялся с рассветом, сам приготовил бальзам по рецепту, данному ему матерью, сам наложил его на рану, сам сменил повязки, и видимо, благодаря целительным свойствам необыкновенного снадобья, а также отсутствию вмешательства врача, уже вечером поднялся на ноги. На третий день своего пребывания в Менге он совершенно выздоровел.

Однако, расплачиваясь с хозяином, юноша обнаружил, что в кармане его камзола, оставленного в кухне, лежит только кошелек с деньгами, а самое ценное – письмо к господину де Тревилю – исчезло.

Д'Артаньян налетел на хозяина, как ураган, требуя вернуть письмо. Тот сильно расстроился, поняв из описания своего постояльца, что в письме заключалось все его немалое состояние. Д'Артаньян полагал, что имеет право так говорить, потому что при помощи письма рассчитывал поступить на королевскую службу. К тому же грозное имя господина де Тревиля

сильно напугало трактирщика, и он решил свалить всю вину за случившееся на неизвестного дворянина.

– Сударь, письмо похищено не мною, а вчерашним вельможей. Я сам видел, как он спускался в кухню, где лежала ваша одежда. Когда я сказал ему, что вам покровительствует сам господин де Тревиль, этот дворянин забеспокоился. Наверное, это письмо было очень ценное.

– Очень, – сокрушенно вздохнул д'Артаньян, но тут же добавил важным тоном, – придется мне обратиться с жалобой к господину де Тревилю, а уж он найдет способ наказать вора!

Д'Артаньян расплатился с хозяином, вручив тому два экю, и очень скоро верхом на своем оранжевом мерине доехал до ворот Парижа, где благополучно сбыв коня с рук за три экю. Он вступил в Париж пешком с одним узелком под мышкой и за скромную плату снял комнатку на улице Могильщиков недалеко от Люксембургского дворца.

Полный радостных надежд, д'Артаньян крепко уснул, а наутро отправился на улицу Старой Голубятни, в дом господина де Тревиля, по мнению отца д'Артаньяна – третьего человека во Франции после короля и кардинала.

2. Господин де Тревиль

Надо сказать, что господин де Тревиль вполне оправдывал то мнение, которое складывалось о нем у окружающих и, в частности, у почтенного гасконского дворянина д'Артаньяна. Капитан королевских мушкетеров действительно начал свое восхождение на вершину придворной лестницы в Париже без единого су в кармане, зато с запасом дерзости и отваги, находчивости и наблюдательности, которым позавидовал бы сынок богатейшего вельможи.

Господин де Тревиль пользовался неограниченным доверием короля Людовика XIII. В окружении короля было слишком мало людей, по-настоящему верных, умеющих слепо и без рассуждений повиноваться своему повелителю. К тому же де Тревиль обладал редкими проныцательностью и предприимчивостью. Людовик поставил его во главе своей гвардии – полка мушкетеров. Это была военная часть, куда господин де Тревиль тщательно отбирал по всей Франции храбрецов, беззаветно преданных ему лично, а значит и королю.

Мушкетеры служили предметом тайной зависти его высокопреосвященства кардинала Армана Ришелье, всемогущего министра Людовика XIII, которого современники не без оснований называли первым властителем Франции. Увидев, какими славными воинами окружил себя король, кардинал также создал свою гвардию. Часто вечерами, за игрой в шахматы два друга-соперника – король и кардинал – открыто обсуждали достоинства своих храбрецов и хвастались их ратными подвигами. Особенным шиком считалось как бы невзначай похвалиться победой своих воинов в стычках, которые нередко случались между мушкетерами и гвардейцами.

Де Тревиль хорошо знал эту особенность короля и кардинала, а потому дал своим мушкетерам негласное разрешение везде и по всякому поводу заирать солдат кардинала. Иногда в стычках с гвардейцами мушкетеры погибали, но, умирая, молодые люди знали, что товарищи отомстят за них. Впрочем, чаще получалось, что погибали гвардейцы кардинала, и тогда Ришелье добивался, чтобы виновников отправляли в Бастилию, но мушкетеры отправлялись в тюрьму, уверенные, что господин де Тревиль вытащит их на свободу. Все они были отчаянные головы, но своего капитана обожали до дрожи в коленях, подчинялись ему беспрекословно и готовы были не задумываясь отдать за него жизнь. Де Тревиль платил своим молодцам безграничной отеческой любовью, выгораживал и защищал их перед королем, вызволял из неприятностей, ссужал деньгами, добывал им подписанные королем срочные отпуска и даже не интересовался причиной неожиданных отлучек из Парижа на несколько дней. Впрочем, мушкетеры никогда не злоупотребляли доверием своего капитана.

С шести утра двор особняка де Тревиля напоминал военный лагерь. Мушкетеры патрулировали двор, широченная лестница и приемная были заполнены просителями. Де Тревиль принимал посетителей в кабинете.

Д'Артаньян прокладывал себе путь к кабинету господина де Тревиля сквозь плотную толпу. Впервые в жизни он чувствовал себя неловко – жалким провинциалом, приехавшим искать милости великого человека и расположения знатных господ. На лестнице он заметил, что один из мушкетеров, ловко орудуя шпагой, отбивался сразу от троих противников. Проигравший уступал победителю свою очередь. Надо сказать, мушкетер, стоявший на верхней ступеньке, блестяще оборонялся. Скоро трое его соперников получили легкие царапины и выбыли из игры. Сам же мушкетер не был задет ни разу.

Д'Артаньян поднялся выше. В приемной он назвал слуге свое имя и передал просьбу об аудиенции. Пока слуга докладывал, д'Артаньян огляделся по сторонам.

Его внимание сразу привлекла оживленная группа людей, центром которой был высокий мушке тер в потертом камзоле, поверх которого красовалась великолепная, расшитая золотом перьями. Роскошное шитье было видно только спереди, потому что алый бархатный плащ

ниспадал с плеч мушкетера и закрывал его спину. Владелец перевязи то и дело покашливал и жаловался на простуду. Видимо, из-за этого ему и пришлось одеться потеплее. Обступившие его зрители бурно выражали свои восторги по поводу великолепной перевязи.

– Дорогой Портос, – обратился к рослому мушкетеру один из присутствующих, – не та ли дама в шляпке с вуалью, с которой я встретил тебя на днях, преподнесла тебе эту перевязь?

– О, нет, клянусь честью, – невозмутимо ответил тот, кого назвали Портосом. – Я купил ее на деньги, полученные от родителей. Уплатил целых двенадцать пистолей! Да вот и Арамис может засвидетельствовать это.

Мушкетер по имени Арамис, молодой человек лет двадцати трех, был полной противоположностью своему товарищу. Арамис был красив – но не той мужественной красотой, которая бросала, видимо, в жар даму под вуалью и других многочисленных поклонниц Портоса. У Арамиса была бархатистая, как персик, кожа, черные агатовые глаза, тонкая линия усов над верхней губой, ровные зубы и нежный румянец на щеках. Он, в отличие от Портоса, в основном молчал, только бесшумно смеялся удачным шуткам и часто кланялся. Вот и на замечание Портоса Арамис лишь наклонил голову, однако же его молчаливое свидетельство действовало на слушателей красноречивее всяких слов. Видимо, слово Арамиса много значило для товарищей по полку, отметил про себя д'Артаньян.

Разговор зашел о некоем господине Рошфоре, преданнейшем слуге кардинала, причем мушкетеры не раз при этом обращались к Арамису с просьбой пояснить те или иные моменты, касавшиеся биографии пресловутого Рошфора, шпиона и висельника, по мнению Портоса.

– Вы же обещали нам разгадку его тайны, Арамис! – воскликнул Портос. – Эх, попадись мне этот Рошфор, я бы его проучил!

– А вас бы проучил Красный Герцог! – парировал Арамис.

Окружающие захохотали. Под Красным Герцогом Арамис подразумевал Ришелье, имея в виду подчас неоправданную жестокость кардинала по отношению к своим противникам. В красных плащах в те времена ходили палачи.

– Bravo! Жаль, что вы не стали аббатом, мой милый Арамис! – захлопал в ладоши Портос. – Какой очаровательный и остроумный служитель церкви получился бы из вас!

– Вы ведь знаете, что я только временно мушкетер, – смиренно опустив глаза, проговорил Арамис. – Я продолжаю изучать богословие и жду не дождусь того дня, когда все же стану аббатом. Однако, пока я мушкетер, я буду говорить то, что мне вздумается, и не позволю никому, кроме Атоса, читать мне нравоучения.

– Не будем ссориться, Арамис, – примирительно проговорил Портос.

– Господин д'Артаньян к господину де Тревилю! – перебил их лакей, выходя в приемную.

В полной тишине, которая сразу воцарилась в приемной, д'Артаньян прошел через комнату. Ему предстояло встретиться лицом к лицу с капитаном королевских мушкетеров и уже не услышать развязки ссоры между Арамисом и Портосом.

3. Земляки

Несмотря на то, что с самого утра господину де Тревилю успели испортить настроение (о причине речь пойдет дальше), он принял своего юного земляка с любезной улыбкой. Впрочем, уважаемый капитан мушкетеров сразу дал понять, что ему необходимо вначале разобраться с более неотложными делами.

– Атос! Портос! Арамис! – крикнул господин де Тревиль, подойдя к дверям приемной.

Тотчас на пороге появились два мушкетера, которых д'Артаньян только что видел в приемной. Оба они – и рослый Портос и учтивый Арамис – держались с такой непринужденностью и вместе с тем с такими спокойствием и достоинством, что поневоле вызвали восхищение у слегка оробевшего д'Артаньяна.

– И что же вы намерены сообщить мне, господа, в свое оправдание? – язвительно начал господин де Тревиль. – Мне уже известно – причем, лично от господина кардинала, – что накануне его гвардейцы задержали вас в кабачке на улице Феру! Тысяча чертей! Моих мушкетеров арестовали! Кардинал тоном, исполненным соболезнований, назвал мне ваши имена. Что ж, я, конечно, сам виноват – как мог я выбрать именно вас для службы в полку королевских мушкетеров? Где были мои глаза? Вам, Арамис, действительно больше идет сутана, чем мундир мушкетера! А вы, Портос, наверное, специально обзавелись золотой перевязью, чтобы носить на ней соломенную шпагу! Уж гвардейцы его высокопреосвященства точно не стали бы удирать! Они предпочли бы умереть на месте, чем снести такой позор! Вы даже не можете вовремя явиться по вызову вашего начальника! Где, я вас спрашиваю, Атос?

– Прошу прощения, господин капитан, – повысил голос Портос, – но Атос серьезно болен. Что же касается вчерашней драки... Нас действительно было шестеро против шестерых. Однако гвардейцы напали на нас неожиданно, предательски, из-за угла. От неожиданности двое из нас не успели обнажить шпаги и рухнули замертво. Атос был тяжело ранен и его сочли мертвым. И все же мы не сдались и приняли бой! Только силы оказались слишком неравны.

– Имею честь доложить, господин капитан, – невозмутимо сообщил Арамис, – что я лично заколол одного из предательски напавших на нас гвардейцев.

– Я этого не знал, – сразу смягчился господин де Тревиль. – Похоже, его высокопреосвященство несколько неточно передал ход событий...

– У нас к вам есть просьба, господин капитан, – вкрадчиво начал Арамис, видя, что им удалось переломить ход разговора. – Не говорите никому, как опасно ранен Атос. Шпага пронзила ему грудь, так что...

В этот момент на пороге приемной показался человек, облаченный в мушкетерский камзол. Его благо родное лицо покрывала смертельная бледность.

– Атос! – хором воскликнули капитан и Портос с Арамисом.

– Прибыл по вашему приказу, господин капитан, – произнес Атос. – Жду распоряжений.

Господин де Тревиль в мгновение ока сменил гнев на милость. Он снова стал таким, каким его привыкли видеть его мушкетеры – заботливым отцом, готовым на все ради своих солдат. Тронутый проявлением мужества Атоса, капитан бросился, чтобы поддержать раненого.

– Я запрещаю вам, – проникновенно начал господин де Тревиль, – и вам также, господа, – бросил он Портосу и Арамису, – без крайней необходимости рисковать жизнью! Вы дороги мне, и вы дороги королю. Всем известно, что самые храбрые люди в королевстве – это наши славные мушкетеры!

В порыве чувств он крепко сжал руку Атоса. Атос побледнел еще сильнее и, сраженный болью, упал на ковер.

– Врача! – закричал господин де Тревиль. – Скорее врача!

Лекарь, по счастью, находился в доме. Он быстро поднялся в приемную. Портос и Арамис на руках перенесли своего друга в смежную с кабинетом комнату и, по настоянию лекаря, вышли. Около раненого остались только врач и господин де Тревиль.

Немного погодя капитан появился и сообщил, что жизни Атоса ничто не угрожает. Портос и Арамис удалились, а господин де Тревиль повернулся к д'Артаньяну.

– Простите, земляк, – улыбнулся он. – Я совершенно забыл о вас. Но перейдем к делу. Я прекрасно помню вашего отца. Чем могу служить?

Д'Артаньян сбивчиво объяснил, что мечтал о зачислении в полк мушкетеров с помощью господина де Тревиля, но теперь понял, что недостойн такой великой милости.

– Вы правы, молодой человек, – задумчиво ответил господин де Тревиль, – это действительно огромная честь служить в нашем полку. Я вижу, вы настойчивы и не робкого десятка. Я рад бы вам помочь, но существуют правила. По распоряжению короля, человек может быть принят в ряды мушкетеров только после того, как зарекомендует себя в сражении, совершит подвиг или прослужит два года в более скромном полку.

Д'Артаньян с готовностью кивнул.

– В память дружбы с вашим отцом я хочу кое-что сделать для его сына, – продолжал с улыбкой господин де Тревиль. – Сам я приехал покорять Париж с четырьмя эку в кармане и готов был проткнуть шпагой любого, кто осмелился бы сказать, что я не могу купить Лувр.

Д'Артаньян с гордостью отметил про себя, что благодаря продаже коня он является обладателем вдвое большего состояния.

– Я дам вам письмо к начальнику Королевской академии, – предложил господин де Тревиль. – Вы научитесь скакать верхом, танцевать, владеть шпагой, у вас появятся новые полезные знакомства. Я приглашаю вас время от времени навещать меня и докладывать, как у вас идут дела. Честно говоря, я удивлен тем, что вы пустились в столь дальний путь без рекомендательного письма от вашего почтенного родителя.

– Я и сам вижу, что имея письмо я преуспел бы больше, – горестно вздохнул д'Артаньян. – У меня действительно было такое письмо, но у меня предательски похитили его, пока я был без сознания.

И юный гасконец чистосердечно поведал де Тревилю о том, что приключилось с ним в городке Менге.

Капитан мушкетеров почему-то сразу понял, что юноша говорит искренне, а потому внимательно выслушал его историю.

– Дело непростое, – покачал головой господин де Тревиль. – Если я правильно понял, вы имели неосторожность громко называть мое имя?

– Да. Такое имя, как ваше, может послужить надежным щитом. Я решил прикрываться им, как только возникнет необходимость.

– А не было ли, – поинтересовался господин де Тревиль, – у того человека небольшого шрама на виске?

– Был. Мне показалось, что это след от пули.

– Это был мужчина высокого роста, темноволосый, бледный?

– Да. Разве вы, сударь, знакомы с ним?

– Он ждал женщину? – словно не заметив недоумения своего гостя, продолжал расспрашивать господин де Тревиль.

– Он покинул гостиницу только после короткой беседы с женщиной, сидевшей в карете. Он называл ее миледи.

– Вам известно, о чем они говорили?

– Он передал миледи ларец и сказал, что в нем она найдет распоряжения кардинала. Прошу вас, сударь, скажите мне, кто этот человек, я должен рассчитаться с ним!

– Послушайте моего доброго совета, молодой человек, – неожиданно господин де Тревиль стал очень серьезен. – Этот противник не по зубам ни вам, ни кому бы то ни было еще. Избегайте встреч с ним, а уж если встретите, избави вас бог напроситься на драку.

Господин де Тревиль с сомнением поглядел на странного просителя. Уж не подослан ли он кардиналом, мелькнула мысль у капитана мушкетеров. Ведь страстная ненависть, которую д'Артаньян питал к незнакомцу из Менга – а судя по описанию, это был один из самых верных приверженцев кардинала Ришелье, – могла быть поддельной и иметь цель заманить его, де Тревиля, в ловушку. Но если это так, то Ришелье наверняка внушил д'Артаньяну, что лучший способ втереться к капитану мушкетеров в доверие, – это наговорить про кардинала гадостей. Стало быть, он наверняка начнет рассказывать, как ненавидит кардинала. Господин де Тревиль решил испытать молодого гасконца.

– Друг мой, – начал он, – запомните, что если вы в силу каких-то обстоятельств питаете вражду к его высокопреосвященству или его верным слугам, к каковым я с радостью причисляю и себя, то вам нечего искать поддержки в моем доме. Король и кардинал – лучшие друзья, а то, что между ними существуют разногласия и недоброжелательство – не более чем досужие сплетни. Чтобы показать, как искренне я расположен к вам, сыну моего давнего друга, я дам вам хороший совет. Не поддавайтесь на подобный обман, потому что он может завлечь вас в опасную ловушку. Более того, если вы, по примеру иных молодых дворян, вздумаете проявлять враждебные чувства к кардиналу, я никогда не приближу вас к себе.

Однако реакция д'Артаньяна оказалась иной, нежели предполагал господин де Тревиль.

– Сударь, – ответил он, – мой отец советовал мне то же самое – верно служить королю и кардиналу, и не покоряться никому, кроме них и еще вас, кого отец считает первыми людьми Франции. Вы были откровенны со мной, и я искренне вам благодарен.

Господин де Тревиль был приятно удивлен, однако решил не терять бдительности. Жизнь при дворе научила капитана мушкетеров осторожности, и он предпочитал десять раз проверить человека, прежде чем всецело довериться ему.

– Я вижу, вы честный человек, – пожал господин де Тревиль руку молодому гасконцу. – Мой дом всегда открыт для вас. Заходите в любое время, присмотритесь к людям, которые бывают у меня. Я уверен, вы найдете возможность использовать счастливый случай.

– Я понимаю, сударь, что должен оказаться достоин той чести, которую вы мне оказываете, – кивнул д'Артаньян. – Уверен, вам недолго придется ждать. Я сумею заслужить плащ королевского мушкетера.

Господин де Тревиль уселся у стола и принялся сочинять рекомендательное письмо для д'Артаньяна к начальнику королевской академии. Молодой гасконец остался стоять у окна, наблюдая, как мушкетеры один за другим покидают дом своего начальника. Вдруг по лицу его пробежала тень. В тот самый момент, когда капитан уже запечатал письмо и поднялся, чтобы отдать его юноше, тот бросился из кабинета, яростно крича на ходу:

– Тысяча чертей! Не уйдешь!

– В чем дело? – воскликнул де Тревиль.

– Это он, он! Незнакомец из Менга!

И д'Артаньян помчался вниз.

– Ну и ну, – покачал головой де Тревиль. – Он просто одержимый. Если только... если только это не очередной хитрый маневр, чтобы выйти отсюда, поскольку его обман не удался.

4. Отважный Атос, хвастливый Портос и учтивый Арамис

В три прыжка д'Артаньян преодолел приемную и выскочил на лестницу. Здесь его постигло первое несчастье. С разбегу он столкнулся с Атосом, выходящим от де Тревиля через боковую дверь, видимо, после перевязки. Мушкетер буквально взвыл от резкой боли.

– Прошу прощения, – расшаркался д'Артаньян, не замедляя, впрочем, скорости, – к сожалению, я тороплюсь.

Однако не успел он сделать пары шагов, как железная рука ухватила его за плечо.

– Вы, значит, торопитесь, – повторил свистящим шепотом Атос, бледный, как полотно. – Считаете возможным налететь на меня, извиниться и считать вопрос исчерпанным? Может, вам кажется, что если господин де Тревиль сегодня резко говорил с нами, то отныне вы можете обращаться со мной пренебрежительно? Ничего не выйдет, молодой человек! Вы невежа, сударь. Видимо, вы недавно в Париже.

Д'Артаньян, успевший высвободиться и спуститься на пару ступенек, замер на месте.

– Я действительно недавно в Париже, сударь, но я не позволю вам читать мне нотации!

– Вот как? – издевательски переспросил Атос.

– Если бы только я не спешил... если бы не гнался за одним, уже раз оскорбившим меня человеком...

– Полагаю, к двенадцати часам вы уже закончите погоню. Вы сможете найти меня у монастыря Дешо.

– Отлично, сударь. Я не заставлю вас ждать! – воскликнул д'Артаньян и стрелой понесся вниз.

У ворот – увы! – его поджидала вторая неприятность. Там стоял Портос и беседовал с караульным. Д'Артаньяну показалось, что между мушкетером и его собеседником достаточно свободного пространства. Он решил проскочить между ними и тем самым значительно сократить путь. Гасконец оказался за спиной Портоса, чтобы затем обежать его слева и рвануть прямо к воротам. Но в этот момент ветер раздул длинный плащ мушкетера, и д'Артаньян запутался в его складках. Вместо того, чтобы выпустить полу, упрямый Портос принялся тянуть ее на себя, поскольку у него, видимо, были веские причины не расставаться с плащом, полностью закрывавшим его спину.

Больше всего на свете гасконец боялся ненароком повредить роскошную, шитую золотом перевязь щеголя-мушкетера. Но, робко приоткрыв глаза, он увидел, что лицо его оказалось akurat между могучих лопаток Портоса, иными словами, у д'Артаньяна появился неожиданный шанс рассмотреть пресловутую перевязь с тыла.

Только тут д'Артаньян понял, почему мушкетер кутался в плащ и почему осыпал его такими отчаянными проклятиями. Портос был человеком самолюбивым, любящим производить впечатление. К сожалению, он не имел достаточно средств, чтобы приобрести перевязь, целиком расшитую золотом. Сзади перевязь была сделана из простой буйволово́й кожи. Хвастун Портос, естественно, был в отчаянии от того, что кто-то проник в его тайну.

– Прошу прощения! – закричал д'Артаньян, старательно выпутываясь из складок плаща и выглядывая откуда-то из-под локтя гиганта-Портоса. – Я очень тороплюсь, я гонюсь за...

– Глаза вы, что ли, оставляете дома, когда выходите на улицу! – орал Портос.

– Ну почему же, – с обидой в голосе возразил д'Артаньян. – Мои глаза всегда при мне. Они видят даже то, чего другим видеть не дано.

– Я задам вам трепку! – пообещал взбешенный мушкетер.

Задетый за живое, д'Артаньян остановился.

– Не много ли вы, сударь на себя берете?

– Достаточно для человека, который привык смотреть в лицо врагу!

– Разумеется! Ведь спину вы никому не покажете!

Портос, дрожа от ярости, сделал выпад, но д'Артаньян увернулся и помчался за ворота, хохоча от своей удачной шутки.

– Сперва снимите плащ, чтоб он нам не помешал!

– В час за Люксембургским дворцом!

– Я не заставлю вас ждать!

Однако, выскочив на улицу и осмотревшись, д'Артаньян не увидел проклятого незнакомца. А ведь из-за него у молодого человека сегодня уже случились две крупные неприятности. Он получил вызовы на дуэль от людей, способных одной шпагой убить трех д'Артаньянов. Кроме того, юноша навлек на себя немилость господина де Тревиля. Ведь капитан не мог не рассердиться на своего земляка за неожиданное исчезновение.

Положение складывалось незавидное. Д'Артаньян был уверен, что Атос убьет его а потому не особенно волновался насчет поединка с Портосом. Надо отдать д'Артаньяну должное – пока он плелся по улице в поисках незнакомца, он пришел к выводу, что все же был не прав, затеяв ссору с Атосом. Атос жестоко страдал от раны, и строго говоря, д'Артаньяну следовало быть повежливее. История же с Портосом казалась д'Артаньяну просто смешной. В конце концов он подвел итоги. Причем весьма правильные. Он дал самому себе честное слово, что если судьба пощадит его на этих двух дуэлях, впредь он станет отменно учтивым, вежливым и предупредительным. На память ему пришел образ мушкетера Арамиса, чьи манеры показались д'Артаньяну образцом изысканности.

В это время д'Артаньян поравнялся с особняком д'Эгильона и заметил Арамиса, занятого беседой с королевскими гвардейцами. Арамис тоже увидел д'Артаньяна. Поскольку сегодня утром в присутствии этого молодого человека Арамис с друзьями получили нагоняй от господина де Тревиля, невольный свидетель их позора был неприятен Арамису. Мушкетер решил сделать вид, что не заметил д'Артаньяна. Однако тот, мечтая, по примеру Арамиса, стать образцом хороших манер, приблизился к собеседникам и отвесил им самый учтивый поклон, на какой был способен.

Видя, что отвертеться ему не удалось, Арамис слегка поклонился в ответ. При этом все трое замолчали. Д'Артаньян, конечно, прекрасно понимал, что его дальнейшее присутствие будет неприятно Арамису и его спутникам, но юноша был еще недостаточно искушен в искусстве выходить из неловкого положения. Пока д'Артаньян лихорадочно искал удобный предлог, чтобы с достоинством удалиться, он увидел, что Арамис выронил платок и наступил на него ногой. Решив, что мушкетер сделал это по рассеянности, д'Артаньян бросился поднимать платок, буквально вырвав его из-под подошвы Арамиса. В углу платка оказались вышиты корона и герб. Д'Артаньян с поклоном и учливой улыбкой подал Арамису платок. К его удивлению, поступок этот не вызвал у мушкетера ни малейшего одобрения. Он густо покраснел, схватил платок, скомкал и принялся было засовывать в карман.

– Похоже, я узнал монограмму! – воскликнул первый гвардеец. – Значит, госпожа де Буа-Траси дарит вам, Арамис, такие прелестные вещицы! А вы-то уверяли, что не имеете с ней никаких отношений.

– Здесь какая-то ошибка, господа, – проговорил Арамис, награждая д'Артаньяна одним из тех взглядов, которые красноречивее слов дают понять человеку, что он нажил смертельного врага. – Ума не приложу, почему этот господин подал платок именно мне, а не любому из вас. Это вещь не моя, у меня есть свой собственный платок.

В подтверждение своих слов Арамис вытащил из кармана изящный батистовый платок с собственной монограммой. Д'Артаньян понял свою вину и попытался заглядить ее.

– В самом деле, – робко проговорил он. – Я не видел, чтобы платок уронил именно господин Арамис. Просто он случайно наступил на него, вот я и подумал...

– И ошиблись, – холодно заметил мушкетер, поворачиваясь к д'Артаньяну спиной и обращаясь ко второму гвардейцу. – Кстати, ты близкий друг Буа-Траси – так почему платок его супруги не мог выпасть из твоего кармана?

– Клянусь честью, это не так! – замотал головой гвардеец.

– Я тоже клянусь честью. При этом понятно, что один из нас лжет. Знаешь, что? Давай поделим этот платок!

– Вот уж поистине Соломонов суд! – хохоча от восторга, воскликнули оба гвардейца. – Арамис, ты воплощенная мудрость!

Собеседники расстались, пожав друг другу руки. Стоявший все это время чуть в стороне д'Артаньян решил последовать за Арамисом, чтобы принести свои извинения. Реакция мушкетера на мирные намерения гасконца оказалась весьма холодной.

– Сударь, – заявил ему Арамис, – хоть вы и прибыли из Гаскони, вам должно быть известно, что люди в Париже не наступают без причины на батистовые платки. Речь шла о даме, которую вы скомпрометировали.

– И вы тоже! – воскликнул д'Артаньян, которому было крайне неприятно, когда его начали попрекать провинциальностью. – Я прекрасно видел, как платок выпал из вашего кармана!

– Неужели? Что ж, придется со шпагой в руках поучить вас хорошим манерам!

– В таком случае я отправлю вас обратно в монастырь, господин аббат!

– В два часа я к вашим услугам. Встретимся в доме господина де Тревиля, и я укажу вам место, где пройдет наш поединок.

Д'Артаньян учтиво поклонился, развернулся и зашагал в сторону монастыря Дешо. Время близилось к полудню.

– Что уж теперь поделаешь, – пробормотал он себе под нос. – Утешает одно: если меня сегодня убьют, то я приму смерть от руки мушкетера.

5. Д'Артаньян и три мушкетера против гвардейцев кардинала

У д'Артаньяна не было в Париже ни одного знакомого, за исключением господина де Тревиля. По понятным соображениям, господина де Тревиля невозможно было пригласить в качестве секунданта на множество дуэлей, запланированных молодым гасконцем на сегодняшний день. Поэтому д'Артаньян решил отправиться на поединок один, но с самого начала принести Атосу все мыслимые извинения, не проявляя, однако же, слабости и трусости. Так он надеялся завоевать дружбу Атоса, чья благородная внешность и строгое лицо произвели на него очень хорошее впечатление. Портоса д'Артаньян надеялся запугать тем, что, в случае, если он не будет убит, сделает историю с перевязью всеобщим достоянием. Поединок же с Арамисом не особенно пугал молодого человека, поскольку здесь он был уверен в своих силах и считал, что сумеет нанести урон красоте мушкетера, которой тот, очевидно, очень гордился.

Д'Артаньян встретился с Атосом в назначенный час у монастыря Дешо. Атос объявил, что послал за двумя своими друзьями, которые будут его секундантами. Храбрый мушкетер сказал, что невзирая на рану, готов к поединку: он собирался драться, держа шпагу в левой руке.

Д'Артаньян согласился и разговаривал при этом с Атосом почтительно, чем немало смутил храброго мушкетера. Гасконец предложил Атосу все же отложить дуэль на три дня с условием, что он даст мушкетеру чудодейственный бальзам для врачевания его раны. По словам д'Артаньяна, бальзам мог за три дня поставить Атоса на ноги. Тогда дуэль велась бы на равных.

– От вашего предложения, сударь, – ответил Атос, – веет настоящим благородством дворянина. Однако я вынужден отклонить его, ибо в наше время слухи распространяются чрезвычайно быстро, и за три дня о нашем поединке будет знать весь город, не говоря уж о господине кардинале. Поэтому я предпочитаю покончить с нашими затруднениями сегодня. Мне только кажется, что эти лентяи-секунданты проспали, потому что их до сих пор нет на месте!..

– Сударь, – просто сказал д'Артаньян, – если вам угодно покончить со мной немедленно, вы вправе это сделать.

– Мне по душе ваши речи, – приветливо кивнул гасконцу Атос. – Думаю, если мы не уьем друг друга сегодня, то впоследствии будем с удовольствием проводить время сообща. А, вот и один из моих секундантов!

В конце улицы Вожирар в этот момент появился Портос.

– Разве ваш секундант – господин Портос? – спросил д'Артаньян.

– Конечно. А вы имеете что-то против?

– Н-нет... – замялся д'Артаньян.

– Вот мой второй секундант.

С противоположной стороны к месту поединка быстрыми шагами приближался Арамис. На лице д'Артаньяна изобразилось еще большее удивление.

– Разве вам не известно, что нас называют «трое неразлучных»? – пояснил Атос, а затем, обернувшись к Портосу сказал ему: – Я дерусь с этим господином.

– Очень интересно... – протянул Портос. – Дело в том, что я тоже дерусь с ним.

– Только в час дня, – успокоительно проговорил д'Артаньян.

– Однако он и мой противник! – добавил подошедший Арамис.

– Но наш поединок назначен на два часа, – уточнил д'Артаньян. – Впрочем, господа Портос и Арамис, я намерен принести вам свои извинения, так как, возможно, не смогу дать вам удовлетворения. Ведь господин Атос имеет право убить меня первым.

Атос и д'Артаньян скрестили шпаги, но в этот момент из-за стены монастыря появились гвардейцы кардинала. Портос воскликнул дуэлянтам:

– Стойте!

Но гвардейцы уже заметили их.

– Господа! – воскликнул предводитель гвардейцев де Жюссак. – Вы собрались здесь драться? Но дуэли запрещены! Вы арестованы. Следуйте за нами к господину кардиналу!

– Их пятеро, а нас всего трое, – вполголоса проговорил Атос. – Остается одно: умереть на месте, потому что если мы снова окажемся на стороне побежденных, я не смогу больше показаться на глаза капитану.

В одну минуту Атос, Портос и Арамис встали рядом, плечом к плечу, а де Жюссак построил своих солдат. Этой минуты было достаточно для д'Артаньяна, чтобы сделать выбор, который определил всю его дальнейшую жизнь: выбор между королем и кардиналом. К чести д'Артаньяна надо отметить, что он не колебался ни секунды.

– Прошу прощения, господа, – обратился он к мушкетерам, – вы говорили, что вас трое, но позвольте не согласиться с вами. Вы будете драться вчетвером.

– Вы же не мушкетер, – мягко упрекнул его Портос.

– На мне нет мушкетерского плаща, – согласился д'Артаньян. – Но сердцем, господа, я давно мушкетер! Я надеюсь, что со временем заслужу честь вступить в ряды вашего славного полка!

– Отойдите, молодой человек! – крикнул де Жюссак. – Не вмешивайтесь!

Д'Артаньян остался на прежнем месте.

– Вы славный малый, – пожал ему руку Атос.

Арамис и Портос колебались. Д'Артаньян понял, что их смущает его молодость и неопытность.

– Испытайте меня, господа, – спокойно предложил д'Артаньян.

– Отступить невозможно, – подвел итог обсуждению Атос. – Как вас зовут, юный храбрец?

– Д'Артаньян.

– Мы имеем честь атаковать вас, господа, – обратился к гвардейцам Арамис.

– Вот как? – воскликнул де Жюссак.

И все девять человек бросились друг на друга. Атос скрестил шпагу с гвардейцем по имени Каюзак, Портос – с Бикара, Арамис сражался против двоих гвардейцев, а на долю д'Артаньяна выпал сам де Жюссак.

Большого опыта дуэлей у д'Артаньяна, учитывая его возраст, не было и быть не могло. Зато он хорошо помнил теорию, а кроме того, от возбуждения и от сознания того, что он как бы негласно принят в ряды мушкетеров, юноша дрался очень напористо, постоянно меняя тактику. Де Жюссак стал делать ошибку за ошибкой, разъяренный тем, что ему не удастся взять верх над молодым, но гибким и ловким соперником. В ответ на резкий выпад де Жюссака, д'Артаньян неожиданно отклонился в сторону и, воспользовавшись заминкой предводителя гвардейцев, пронзил его шпагой. Де Жюссак упал на землю и затих.

Д'Артаньян, в соответствии с правилами дуэли, теперь мог поддержать одного из своих товарищей. Он заметил, что Атос вновь ранен. Храбрый мушкетер не отступал ни на шаг. Он скорее бы умер, чем позвал на помощь. Д'Артаньян понял, что именно Атосу он сейчас нужнее всего. Не размышляя более ни минуты, гасконец бросился на Каюзака. И как раз вовремя, потому что Атос, смертельно бледный, опустился на одно колено.

Шпага Каюзака, выбитая у него из рук д'Артаньяном, отлетела в сторону. Каюзак побежал к гвардейцу – одному из противников Арамиса, которого тот к этому моменту успел прикончить, – чтобы подхватить его рапиру. За эти несколько секунд Атос успел собраться с силами и подняться. Д'Артаньян понял, что теперь ему лучше не вмешиваться. И действительно, спустя пару минут Каюзак рухнул как подкошенный.

Почти в то же время Арамис ранил своего второго противника, и тот признал себя побежденным.

Портос продолжал теснить раненого Бикара. Бикара был из тех несгибаемых солдат, которые никогда не сдаются и предпочитают смерть капитуляции. Один против четверых, Бикара продолжал сражаться. Когда же раненый де Жюссак приказал ему сдаться, Бикара отскочил назад и переломил свою шпагу о колено, чтобы не отдавать ее врагу. Мушкетеры салютовали храбрецу, отдавая долг его мужеству. Затем с его помощью д'Артаньян перенес к крыльцу монастыря раненых и позвонил у входа в колокол.

Три мушкетера и д'Артаньян отправились в дом господина де Тревиля, держась за руки. Молодой гасконец был на вершине блаженства, шагая между Атосом и Портосом. Он знал, что если еще не принят в мушкетеры, то с уверенностью может считать себя лучшим их учеником.

6. Королевская награда

Конечно, случившееся не могло остаться без последствий. При посторонних де Тревиль укоризненно качал головой, а за закрытыми дверями пожимал мушкетерам руки и от души поздравлял с блестящей победой.

Затем капитан поспешил в Лувр, чтобы успеть предупредить короля, но кардинал опередил его и изложил королю свою версию столкновения.

– Господин капитан! – воскликнул Людовик. – Идите сюда, дайте мне как следует выбранить вас. Его высокопреосвященство подал мне жалобу на ваших мушкетеров, которые напали на его гвардейцев и вывели из строя пятерых воинов! Господин кардинал так волновался, что, сообщив мне эти новости, удалился и слег в постель! Я не допущу произвола, запомните де Тревиль! Недаром меня называют Людовиком Справедливым...

– Именно потому, что я уповаю на справедливость Вашего величества, я жду решения моего короля и подчинюсь ему, каким бы оно ни было. Я ведь ничего не могу поделать с тем, что гвардейцы его преосвященства постоянно придираются к моим мушкетерам. Те просто вынуждены обороняться, чтобы не посрамить честь мундира. Ну а если в любой схватке мушкетеры выходят победителями... Возможно, это потому, что они так беззаветно преданы своему монарху и готовы умереть за него.

– Это верно, де Тревиль, это верно. Но как же так? Неужели вы утверждаете, что виноваты именно гвардейцы?

– Я понимаю, Ваше величество, что справедливость требует выслушать обе стороны. Поэтому я расскажу вам без утайки, как все произошло на самом деле. Трое лучших ваших мушкетеров – вы их прекрасно знаете, это Атос, Портос и Арамис – прогуливались в районе монастыря Дешо в компании одного молодого гасконца, которого я поручил их заботам. Откуда ни возьмись, на пустырь позади монастыря явился гвардеец де Жюссак, и с ним еще четверо. Любому здравомыслящему человеку было бы очевидно, что столько вооруженных людей не могут случайно оказаться в таком уединенном месте. Видимо, Жюссак пришел к такому же выводу.

– Вы полагаете, они собирались там драться на дуэли? Как это я сам не догадался!

– Я не вправе обвинять своих мушкетеров, Ваше величество. К тому же никакой дуэли не было. Посудите сами, господин Атос был накануне тяжело ранен – зачем же ему было ввязываться в новый поединок, который он наверняка бы проиграл? И с кем? С двумя лучшими своими товарищами? Или с юношей, почти ребенком? Однако, завидев мушкетеров, гвардейцы решили представить дело иначе. Они обвинили их в том, что они явились к монастырю драться на дуэли. Хотя еще неизвестно, с какой целью у монастыря появились сами гвардейцы!

– Действительно. Значит, мушкетеров было четверо, причем один опасно ранен, а один очень молод?

– Именно так, ваше величество.

– И они сумели взять верх над пятью лучшими гвардейцами господина кардинала? Да ведь это победа! – просиял король. – Как зовут того молодого человека?

– Д'Артаньян, ваше величество. Это сын моего старого товарища, доблестного солдата, который вместе с отцом вашего величества участвовал в военных походах. Надо сказать, гвардейцы его преосвященства, прежде чем начать поединок, предложили этому славному и мужественному юноше, поскольку он не принадлежит к полку мушкетеров, покинуть поле боя.

– Теперь я полностью уверен, – перебил король, – что первыми напали гвардейцы. Иначе зачем им было диктовать мальчику какие-то условия?

– Я не сомневался, ваше величество, что вы докопаетесь до истины. Для этого надо обладать пронизательностью Людовика Справедливого. Не мудрено, что наш гасконец, едва выслу-

шав предложение гвардейцев, отклонил его и заявил, что выступит на стороне мушкетеров короля Франции, которому он беззаветно предан. После чего он опасно ранил господина де Жюссак. Наверное, именно это так жестоко оскорбило его высокопреосвященство.

– Но Жюссак – один из самых прославленных фехтовальщиков государства! И он ранен юношей, почти ребенком? Как вы это мне объясните, Тревиль?

– По-видимому, на стороне вашего величества сражался противник более сильный и грамотный.

– Приведите ко мне этого юношу, Тревиль.

– Как прикажете, ваше величество.

– Завтра в полдень я хочу встретиться со всеми четверыми. Мои герои заслуживают благодарности. Но – потихоньку, с малого подъезда. Зачем зря расстраивать кардинала, правда?

В тот же вечер де Тревиль уведомил четверых друзей, что король оказывает им честь и приглашает во дворец. Д'Артаньян ужасно разволновался. Аудиенция у короля казалась ему предзнаменованием блестящей и скорой карьеры.

Утром, до приема в Лувре друзья отправились к люксембургским конюшням, чтобы поиграть на пустыре в мяч. Поскольку д'Артаньян еще не имел опыта игры, то игра шла без очков. Один из мячей, посланных Портосом, пролетел в опасной близости от лица юноши, и он отметил про себя, что если бы не успел отклониться и мяч попал ему в лицо, то столь мощный удар сделал бы визит в Лувр невозможным. Тогда он учтиво отказался продолжать игру и объяснил Портосу и Арамису (Атос также выбыл из игры, поскольку его рана по-прежнему доставляла ему массу неудобств), что примет участие в игре, когда сумеет помериться с ними силой на равных.

– Да, с некоторых пор ученики мушкетеров стали бояться мяча, – вдруг раздался у него над ухом чей-то насмешливый голос.

Д'Артаньян подскочил как ужаленный и резко обернулся. Перед ним стоял гвардеец кардинала и самодовольно покручивал ус. Уже весь полк его высокопреосвященства был осведомлен о вчерашнем происшествии, и, вероятно, гвардейцу не терпелось любым путем взять реванш за сокрушительное поражение своих товарищей.

– Да-да. вы не ослышались, милейший, – с вызывающим видом заявил гвардеец.

– Раз так, попрошу следовать за мной, – отозвался д'Артаньян.

– И вам даже не интересно, как меня зовут? Знай вы мое имя, может, вы бы не спешили так.

– В таком случае, назовитесь, сударь.

– Бернажу, милостивый государь.

– Я жду вас за углом, господин Бернажу.

И д'Артаньян как ни в чем не бывало направился в указанном направлении. Он действительно не имел понятия о том, с кем ввязался в историю. Бернажу, несмотря на все законы и указы, королевские и кардинальские, дрался на дуэлях чуть ли не ежедневно.

Друзья д'Артаньяна были заняты игрой, а потому не заметили, что их юный спутник куда-то исчез. Гасконец был полностью поглощен мечтами о предстоящей встрече с королем и жаждал как можно скорее покончить с неожиданно навязавшимся на его голову поединком. Он выбрал в схватке с Бернажу уже оправдавшую себя накануне тактику, и очень скоро ранил своего противника. Тот, впрочем поединка не прерывал, а только отступал понемногу в сторону особняка господина де ла Тремуля, где служил его родственник. Тем временем на шум прибежали Атос, Портос, Арамис и двое приятелей Бернажу. Бернажу упал, сраженный шпагой д'Артаньяна, а двое гвардейцев, оказавшись лицом к лицу с четырьмя мушкетерами (мысленно д'Артаньян уже называл себя мушкетером), подняли отчаянный крик, призывая на помощь людей де ла Тремуля.

Однако и мушкетеры не дремали. Увидев, как из особняка на улицу выбегают слуги, Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян закричали:

– На помощь, мушкетеры!

Каждому парижанину было прекрасно известно о вражде, которую питали мушкетеры к гвардейцам и к кардиналу лично. За это подопечных господина де Тревиля в городе любили, а солдаты многих полков, становясь свидетелями подобных столкновений, принимали сторону мушкетеров.

Проходившие в этот момент по улице три гвардейца полка Дезэссара бросились нашим друзьям на помощь. Двое вступили в бой, а третий по мчался к дому де Тревиля за подкреплением, которое подоспело всего через несколько минут. Гвардейцы кардинала отступили во двор особняка. Тяжело раненого Бернажу унесли в дом. С улицы послышались возбужденные голоса, предлагавшие поджечь дом в отместку за то, что люди де ла Тремуля напали на королевских мушкетеров. В ворота полетели камни. Атос, Портос и Арамис, памятуя об аудиенции, с трудом успокоили своих разгорячившихся союзников. После чего поспешили к господину де Тревилю, который уже знал, что произошло.

– Нам надо торопиться, – предупредил он. – Лучше, если мы увидимся с королем раньше кардинала и успеем предоставить свою версию случившегося. Вчерашний и сегодняшний поединок можно будет свести в одно дело.

Но они опоздали. В Лувре господину де Тревилю сообщили, что король уехал на охоту, повидавшись предварительно в его высокопреосвященством. Капитан отправил своих мушкетеров и д'Артаньяна по домам, поняв, что сегодня им лучше не встречаться с королем, ибо кроме гневных речей он вряд ли чем-то их удостоит.

Сам господин де Тревиль решил действовать осмотрительно. Он направил де ла Тремулю письмо с требованием отказать в гостеприимстве гвардейцу, который напал на королевского мушкетера. Вельможа прислал ему ответ, в котором укорял мушкетеров за то, что они собирались поджечь его дом. Спор мог затянуться, а решение надо было принять быстро. Ведь судьба трех мушкетеров и д'Артаньяна зависела от того, в каком свете будет преподнесено королю их новое приключение. Жалоб на отчаянных храбрецов накопилось многовато, и было важно, чтобы на этот раз свидетельство правильности их действий исходило из уст человека независимого, не принадлежащего ни к роялистам, ни к кардиналистам.

Тогда господин де Тревиль лично отправился в особняк де ла Тремуля. Зная хозяина, как человека высоких понятий о чести, капитан был уверен, что расследование, проведенное самим де ла Тремулем, непременно установит истину.

– Как себя чувствует господин Бернажу? – учтиво осведомился господин де Тревиль.

– Врач не надеется на выздоровление, – с сожалением, хотя и холодно, признался де ла Тремуль. – Пока господин Бернажу еще в сознании.

– Он в состоянии говорить?

– Он отвечает на вопросы.

– Скажите, раненый упоминал, кто стал инициатором поединка?

– Он ничего не говорил, но со слов моих слуг я понял, что это один из мушкетеров.

– Прощу вас, сударь, отправимся вместе к господину Бернажу и попросим его честно рассказать, из-за чего произошла сегодняшняя ссора. Совсем скоро этот достойный солдат предстанет перед лицом Господа, а стало быть не станет лгать, находясь на смертном одре. Я безоговорочно поверю тому, что он скажет, и признаю моих людей виновными, если он будет на этом настаивать.

Господин де ла Тремуль не был близко знаком с де Тревилем, но очень уважал капитана мушкетеров за его безупречную репутацию. Предложение гостя показалось хозяину очень разумным. Господин де ла Тремуль и сам прежде замечал за Бернажу некоторую неумеренность и горячность, а потому допуская, что он вполне мог оказаться зачинщиком ссоры.

Раненый Бернажу не стал оправдывать свои действия и поведал вельможам всю правду о причине, по которой он спровоцировал вызов д'Артаньяна.

Вечером господин де Тревиль дождался возвращения короля с охоты и, уловив подходящий момент, как бы невзначай пожаловался Людовику на клеветников, которые распространяют слухи о том, как честные и порядочные люди – королевские мушкетеры – нападают на гвардейцев кардинала.

– Уж не хотите ли вы сказать, что его высокопреосвященство обманывает меня? – грозно начал король.

– Избави бог, ваше величество. Но – увы! – и кардинал может быть обманут клеветниками. А надо установить истину. Ведь господин де ла Тремуль, возле дома которого разыгралась сегодняшняя драма, самый беспристрастный свидетель, не был допрошен его высокопреосвященством.

– Тогда его допрошу я. Ведь недаром меня называют Людовиком Справедливым, – решил король. – Но вы, де Тревиль? Вы согласитесь с тем, что скажет де ла Тремуль? И подчинитесь его суждениям?

– Да, ваше величество.

– В таком случае я немедленно посылаю за ним.

– Прошу вас, ваше величество, пообещайте мне, что никого не примете между де ла Тремулем и мною.

– Раз вы этого хотите... Будь по-вашему. Приходите завтра утром и приводите с собой Атоса, Портоса, Арамиса и их гасконского приятеля. Но горе вам, если ваши мушкетеры окажутся зачинщиками!

– Тогда я сам отдам их под суд. До завтра, мой государь.

На следующее утро, ровно в семь, Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян были у господина де Тревиля. Капитану пока были неизвестны результаты переговоров короля с де ла Тремулем. Поэтому господин де Тревиль объявил мушкетерам, что берет их с собой в Лувр, ничего не обещая и не скрывая того, что их будущее висит на волоске. В Лувре капитан узнал, что король занят – рано утром к нему прибыл господин де ла Тремуль, которого накануне вечером не удалось застать дома.

После недолгого ожидания двери приемной растворились и на пороге появился король в сопровождении герцога де ла Тремуля. Герцог сразу же направился к капитану мушкетеров.

– Его величество вызвал меня, чтобы узнать подробности о вчерашнем деле, – сообщил герцог. – Я рассказал ему все без утайки и признал, что виновны были мои люди. Я приношу вам за них извинения и прошу в будущем считать меня вашим другом.

– Это большая честь для меня, герцог, – поклонился де Тревиль. – Я не желал лучшего заступника за себя перед его величеством. Благодарю вас от всего сердца.

– Где же ваши герои, де Тревиль? – воскликнул король.

– Они с покорностью ожидают, когда ваше величество соизволит принять их.

– Пусть подойдут ко мне. Что-то не видно на их лицах раскаяния по поводу того, что они за два дня уложили семерых гвардейцев его высокопреосвященства! – озорно подмигнул король. – Так который из них молодой гасконец? Ну-ка, идите ко мне, милостивый государь. Неужели это он нанес такой страшный удар де Жюссаку?

– И еще нанес две серьезные раны Бернажу, – сообщил де Тревиль.

– Кроме того, он спас меня, ваше величество, когда мне грозила смерть от руки Каюзака, – добавил Атос.

– Настоящий боец! – похвалил король.

Д'Артаньян низко поклонился.

– Ла Шене! – позвал король камердинера. – Поройтесь-ка у меня по карманам, не наберется ли там сорока пистолей, и принесите их мне. А я пока послушаю этого молодого человека. Он расскажет нам о своих подвигах за последние два дня.

Д'Артаньян охотно поведал королю подробности столкновения с Бернажу.

– Ну, что ж, все именно так, как говорил герцог, – кивнул король, беря из рук подоспевшего Ла Шене горсть золотых монет и протягивая их юноше. – Я доволен, господа. Теперь можете удалиться. Я жду господина кардинала. Предчувствую, он будет взбешен решением, которое я принял относительно вас. Но что мне до этого? Ведь я рассудил по справедливости.

Как и предполагал король, кардинал жестоко обиделся и даже целую неделю подряд не заходил к нему играть в шахматы. Это мешало королю регулярно со снисходительной улыбкой задавать всесильному министру вопрос:

– Господин кардинал, а как здоровье ваших бедных Бернажу и Жюссака?

7. Будни мушкетеров

– Как лучше потратить свою часть сорока пистолей? – спросил друзей д'Артаньян после того, как они вышли из Лувра. Он еще никогда в жизни не держал в руках столько денег. Атос рекомендовал заказать роскошный обед, Портос – обзавестись хорошим слугой, а Арамис, опустив глаза, посоветовал найти красивую любовницу.

Д'Артаньян решил последовать советам сразу троих друзей.

По рекомендации Портоса, д'Артаньян взял в услужение некоего Планше. Портос увидел его на мосту. Планше плевал в воду и созерцал расходящиеся по воде круги. Такое занятие, по мнению Портоса, свидетельствовало о рассудительности. Не наводя о Планше никаких справок, Портос увел его с собой и через полчаса представил д'Артаньяну.

Прислуживая вечером на обеде, заказанном Атосом и оплаченном д'Артаньяном, Планше решил, что ему обеспечено сытое и спокойное будущее, поскольку щедрость его нового господина произвела на слугу огромное впечатление. Однако мечты рухнули той же ночью, когда Планше узнал, что в доме д'Артаньяна всего одна комната и передняя. Там слуге и пришлось улечься спать прямо на полу, на одеяле, взятом с постели хозяина.

Атос тоже держал слугу. Звали его Гримо. Отношения его с хозяином были особенные. Атос и сам предпочитал больше молчать, чем говорить, а уж слугу своего он и вовсе приучил общаться с ним преимущественно жестами. Вслух Атос говорил только о существенном, кратко и выразительно. Гримо обожал своего господина и старался угадать малейшее его желание. Без сомнения, он рискнул бы ради него жизнью.

Атосу было около тридцати лет. Он отличался внешней красотой и утонченными манерами, но при этом никто и никогда не слышал, чтобы у него было любовница. Атос не возражал, когда при нем говорили о женщинах, но сам никогда в эти разговоры не вступал, только временами вставлял какое-нибудь горькое замечание, из чего становилось ясно, что предмет беседы ему неприятен.

Атос жил на улице Феру в небольшой квартирке из двух комнат. Скромность убранства компенсировалась несколькими предметами – прямыми указателями на подлинный аристократизм хозяина. Так, на стене висела шпага, составлявшая предмет зависти Портоса, который отдал бы десять лет жизни за право владения ею. Шпага, вероятно, появилась на свет еще в эпоху Франциска I, эфес ее украшала россыпь драгоценных камней. Несомненно, вещь стоила дорого, но никогда, даже в самые тяжелые минуты и голодные времена Атос не снимал ее со стены, чтобы заложить или продать. Другой интересной деталью интерьера был портрет знатного вельможи, на груди которого красовался орден. В облике вельможи наблюдалось очевидное сходство с Атосом, из чего друзья заключили, что на портрете изображен какой-то его предок. Сам Атос на эту тему никогда не распространялся. Он вообще не любил говорить о прошлом. А прошлое Атоса – в виде бумаг, писем, семейного архива – хранилось в ларце изумительной красоты, украшенном резьбой и гербом, таким же, как на портрете и шпаге. Ключ от ларца Атос всегда носил с собой и лишь раз, в присутствии Портоса, открыл ларец.

С Портосом Атос дружил уже более пяти лет. Удивительно было, как сошлись столь противоположные по характеру люди. Портос был разговорчив и громогласен, любил роскошно одеваться и хвастаться направо и налево своими победами над женщинами. Чем дальше, тем высокопоставленнее были его любовницы и без ума влюбленные в красавца-мушкетера женщины. Большинству из них Портос не считал нужным платить взаимностью. Однажды, отправляясь на свидание с очередной герцогиней, Портос попросил Атоса одолжить ему шпагу, но тот только молча вывернул карманы, собрал все свои деньги и немногие драгоценности и предложил все это Портосу взамен. Шпага же, по словам ее владельца, могла покинуть дом только вместе с самим Атосом.

Дом Портоса на улице Старой Голубятни, судя по рассказам хозяина, блистал роскошью и был поставлен на широкую ногу. К сожалению, несмотря на тесную дружбу и очень доверительные отношения между тремя мушкетерами, Атосу и Арамису так и не довелось побывать в гостях у Портоса. К себе он никогда не приглашал, а за стать его дома как-то не получалось. Впрочем, всякий раз, когда они проходили по улице мимо его дома, они могли видеть у одного из окон слугу Портоса, Мушкетона, в парадной ливрее.

О слуге Портоса надо сказать отдельно. Воинственное имя, которым называл его хозяин, было дано слуге самим Портосом. В прошлом Бонифаций, а ныне Мушкетон, он поступил на службу к Портосу с условием, что его будут роскошно одевать и обильно кормить. Портос заказывал Мушкетону у одного ловкого портного камзолы, перелицованные из старых вещей самого Портоса, и слуга был совершенно счастлив.

Арамис же не уставал повторять, что он мушкетер только временно, что в душе он – служитель церкви. Он твердил, что избегает светских развлечений. Слугу Арамиса звали Базен, и, по примеру своего господина, он посвящал почти все свободное время чтению духовных книг. Базен отличался сдержанностью, уравновешенностью, кротостью, умел хорошо стряпать, неизменно ходил в черном и все ждал благословенного дня, когда Арамис примет сан. Верность Базена не подвергалась сомнению; Арамиса он боготворил. Обязанности Базена сводились в основном к тому, чтобы поддерживать в идеальном порядке маленькую уютную квартиру Арамиса, окна которой выходили в тенистый сад.

Друзья проводили время весело. Атос часто играл, и всегда оставался в проигрыше. Занимать деньги было против его правил, хотя сам он постоянно выручал друзей. Партнеры доверяли Атосу безоговорочно, ибо, играя на честное слово, наутро он обязательно отдавал долг. Портос играть не любил, но если выигрывал, то бывал остроумен и дерзок. В случае проигрыша он исчезал на несколько дней в неизвестном направлении, а когда возвращался, у него был усталый вид, но зато в карманах звенели пистолы. Арамис же не играл ни при каких обстоятельствах, предпочитая в самый разгар застолья удалиться, объясняя, что ему необходимо поработать над диссертацией или встретиться с неким ученым богословом наедине. При этом Арамис обязательно просил его не беспокоить.

Никакие попытки д'Артаньяна разузнать, что за имена скрываются за прозвищами его друзей, не привели к успеху. Он решил пока не настаивать и ждать, пока судьба подарит ему подходящий случай, чтобы узнать поподробнее о прошлом Атоса, Портоса и Арамиса.

Тем временем королевские пистолы подошли к концу, и Планше начал находить свое полуголодное существование неудобным, на что и принялся пенять своему хозяину. Трое друзей д'Артаньяна в один голос порицали Планше и советовали поставить его на место. Атос рассчитал бы такого недостойного слугу немедля, Портос задал бы ему трепку, а по мнению Арамиса, д'Артаньян просто распустил Планше, ибо, как известно, кроме слов восхищения, господин вообще не должен ничего слышать от слуги.

Д'Артаньян избрал собственный оригинальный способ указать Планше его место в жизни. С этой целью он как следует выпорол слугу, а затем категорически запретил тому бросать службу без его, д'Артаньяна, согласия.

– Заруби себе на носу, – закончил свое напутствие д'Артаньян, – что судьба ко мне благосклонна. Лучшие времена не заставят себя ждать. Если ты останешься у меня, тебя ждет блестящее будущее. Поскольку у тебя пока не хватает ума понять это, я, как добрый господин, не могу допустить, чтобы ты пропал по своему недомыслию, а потому не могу отпустить тебя со службы.

Мушкетеры одобрили подход д'Артаньяна к воспитанию слуги, а сам Планше проникся столь глубоким уважением к хозяину, что больше никогда не заикался об уходе.

Д'Артаньян окунулся в новый для него мир мушкетерского полка, он, хотя и не состоял на службе, с трогательной добросовестностью исполнял обязанности, как если бы уже был муш-

кетером, – например, стоял в карауле вместе с товарищами. Вскоре, по приказу короля, его зачислили в гвардейскую роту кавалера Дезэссара, и тогда уже Атос, Портос и Арамис, в свою очередь, принялись стоять на карауле вместе с новоиспеченным гвардейцем.

8. Господин Бонасье

Как уже говорилось, сорок пистолей короля Людовика растаяли довольно быстро. Надо было на что-то жить дальше, и четверо друзей занялись поиском денег. Вначале Атос кормил друзей на свои средства, потом куда-то исчез Портос, а, появившись с деньгами, целых две недели содержал их, затем Арамис пристроил какому-то издателю часть прочитанных книг на богословские темы и выручил несколько пистолей. Потом пришла пора получать от знакомых приглашения на обеды и приводить с собой голодных друзей. У д'Артаньяна знакомых в Париже почти не было, и потому ему было очень стыдно, что он пока не может прийти своим друзьям на помощь. Впрочем, ему удалось однажды угостить их обедом у гвардейского корнета, который, увидев, что вместо одного гостя явилось четыре, проявил неслыханную щедрость. Второй раз друзья позавтракали у одного священника родом из Гаскони, уничтожив у него двухмесячный запас шоколада.

Однажды Планше ввел в комнату д'Артаньяна скромно одетого человека лет пятидесяти, невысокого, полноватого. Лицо гостя показалось д'Артаньяну знакомым, хотя он никак не мог вспомнить, где и когда мог встречать этого человека.

– Господин д'Артаньян, – начал посетитель, – мне рассказывали о вас, как о человеке мужественном и умеющем хранить тайны. Присмотревшись к вам, я пришел к выводу, что могу обратиться к вам за защитой.

– Слушаю вас, сударь, – кивнул д'Артаньян, чувствуя, что разговор обещает некоторую выгоду.

– Дело касается моей жены. Она чудесная женщина, добрая, умная. Ни разу за три года я не пожалел о том, что меня женили на ней, – поведал гость. – Но вот теперь... Понимаете, она приходится крестницей господину де Ла Порту, камердинеру королевы. Он-то и устроил мою жену кастеляншей к ее величеству. Ла Порт очень предан королеве. Он хотел, чтобы подле нашей повелительницы, которую незаслуженно подозревает во всех смертных грехах король и против которой строит козни кардинал, был хоть один верный человек.

– И что же?...

– Мы были очень довольны, сударь, очень, – заторопился посетитель. – Это хорошая служба. Моя жена пару раз в неделю навещала меня, потом я провожал ее обратно в Лувр. А вот вчера утром она неожиданно исчезла.

– Исчезла?

– Да, сударь. И я полагаю, что ее похитили.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Да.

– И кто же этот коварный искуситель?

– Понимаете, сударь, я уверен, что в этом деле замешана не столько любовь, сколько политика. Или вернее, любовь, но не моей жены, а одной очень высокопоставленной дамы.

– Госпожи де Буа-Траси?

– Я же сказал – очень высокопоставленной...

– Выше, чем госпожа д'Эгильон?

– Безусловно.

– Выше, чем госпожа де Шеврез?

– Гораздо выше.

– Вы хотите сказать...

– Именно так, сударь.

– И кто же...

– Герцог Бекингэм, сударь, – чуть слышно пролепетал гость. – Видите, как я откровенен с вами, господин д’Артаньян. Мне рассказала об этом жена. Королева предполагает, что герцогу было отправлено от ее имени письмо, чтобы вы звать его в Париж и заманить в ловушку.

– При чем здесь в таком случае ваша жена?

– Понимаете, ее преданность королеве известна всем при дворе. Вот ее и решили убрать подальше. Ведь она всего-навсего слабая женщина. Ее можно запугать, заставить выдать тайны королевы, в конце концов подкупить и принудить шпионить за ее величеством.

– Тысяча чертей! – воскликнул д’Артаньян. – Так кто же мог похитить вашу жену?

– Я думаю об одном человеке...

– Его имя?...

– Не знаю. Но я однажды видел его в лицо. Жена показала мне его и сказала, что он следит за ней уже несколько дней. Этот человек беззаветно предан его высокопреосвященству.

– Опишите мне его.

– Это знатный человек. Ему лет сорок. У него черные волосы и усы, очень белые зубы.

На виске шрам...

– Шрам! – прошептал д’Артаньян. – Не может быть. Ведь это же тот самый незнакомец из Менга!

– Как вы сказали?

– Нет-нет, ничего. Впрочем, это даже лучше. Ваш враг таким образом и мой враг, и мне будет проще мстить сразу за нас двоих. Осталось только его найти. Скажите, об исчезновении жены вас уведомил господин де Ла Порт?

– Совершенно верно. Но, кроме того, я получил сегодня утром письмо.

– Оно было адресовано вам?

– Да, на мое имя. Господину Бонасье.

– Бонасье, Бонасье... – проговорил д’Артаньян. – Мне кажется, я где-то слышал это...

– Думаю, что так, сударь. Я хозяин этого дома.

– Ах, вот оно что, – слегка кланяясь, произнес д’Артаньян.

– Да, – кивнул Бонасье. – Вы живете у меня уже три месяца, но, наверное, из-за обилия более важных дел забывали заходить ко мне, чтобы расплатиться за квартиру. А сам я ни разу не осмелился напомнить вам об этом... Я часто заставлял вас в обществе славных мушкетеров господина де Тревиля, а всем известно, что господа мушкетеры никогда не упустят случая насолить его высокопреосвященству... Ведь, заступаясь за королеву, вы таким образом расстраиваете некоторые планы господина кардинала... Словом, я решил просить у вас помощи и принес вам это злосчастное письмо.

С этими словами Бонасье протянул д’Артаньяну листок. День клонился к вечеру, и, чтобы как следует разобрать строки, гасконец, а за ним и его гость, подошли к окну.

«Ваша жена в надежном месте, – гласило письмо. – Не старайтесь ее найти. Ваши поиски приведут к нежелательным последствиям. Если же вы спокойно переждете некоторое время, ее вернут вам в целостности и сохранности».

– Господин д’Артаньян, – продолжил Бонасье, заметив, что его постоялец закончил чтение. – Разумеется, ваша помощь не будет безвозмездной. Я и впредь мог бы не напоминать вам о плате за квартиру. Помимо того, я готов предложить вам полсотни пистолей чистого вознаграждения – только верните мне мою бедняжку! Я человек со средствами. В прошлом я держал галантерейную лавку, так что кое-что скопил. Я человек не военный, боюсь угроз, а пуще всего боюсь Бастилии. О, Боже!..

– Что с вами?

– На улице... Человек в плаще!.. Это он!

– Это он! – воскликнул д’Артаньян, узнав в прохожем незнакомца из Менга. – На этот раз я догоню его!

И он опрометью бросился из дома.

На лестнице он столкнулся с Атосом и Портосом. Крикнув друзьям, чтобы они подождали, пока он расправится с незнакомцем из Менга, д'Артаньян выбежал на улицу.

Надо сказать, что друзья не очень-то верили истории про Менг, которую д'Артаньян им не раз рассказывал. Атос считал, что дворянин просто не способен из соображений чести украсть рекомендательное письмо. Портос был уверен, что юный гасконец своим присутствием нарушил планы того господина, который назначил в Менге свидание даме. Арамис, со свойственной ему обходительностью, намекал, что завесу тайны, покрывающую это странное приключение его молодого друга, возможно, и не надо срывать, а лучше все оставить как есть.

Поэтому Атос и Портос не очень серьезно отнеслись к воинственным намерениям д'Артаньяна. Убежденные, что незнакомец и на этот раз растает как дым, они преспокойно поднялись наверх. Комната была пуста: Бонасье предпочел убраться восвояси прежде, чем произойдет столкновение между его постояльцем и таинственным вельможей, возможным похитителем его жены.

9. Один за всех и все за одного!

Через полчаса раздосадованный д'Артаньян вернулся домой. К этому времени его там ждали не только Атос с Портосом, но и Арамис, зашедший навестить своего друга. Каково же было удивление мушкетеров, когда у них на глазах д'Артаньян отдал Планше распоряжение отправиться к домовладельцу и принести полдюжины бутылок вина! Едва слуга вышел, д'Артаньян во всех подробностях объяснил, почему пользуется у господина Бонасье неограниченным кредитом. Молодой человек добавил, что в деле спасения молодой жены галантерейщика он рассчитывает на деятельное участие своих друзей. Ведь разыскать госпожу Бонасье означало расстроить планы кардинала и в очередной раз сыграть злую шутку с его высокопреосвященством.

Атос и Портос, поразмыслив, согласились употребить свои силы на это довольно рискованное предприятие. Арамис, помявшись, неожиданно поведал друзьям странную историю. Во время всего этого рассказа Атос загадочно улыбался, а Портос беспрестанно перебивал на самых интересных местах.

– Вчера вечером, друзья мои, – начал Арамис, – по роду своих занятий я находился в отдаленном пустынном квартале у одного ученого богослова. Когда же я собрался покинуть его дом, он попросил меня проводить свою племянницу, весьма почтенную немолодую даму...

Трое слушателей дружно рассмеялись.

– Если вам так смешно то, что я говорю, может, разумнее прервать мой рассказ?

– Простите, Арамис, – немедленно посерьезнел Атос. – Мы слушаем внимательно и верим каждому вашему слову.

– Так вот. Я отправился провожать ее до кареты...

– А эта племянница навещает дядю именно в карете? – приснул Портос.

– Если бы вы были скромнее, Портос, – невозмутимо заметил Арамис, – вы имели бы у женщин еще больший успех.

– Друзья мои, – вмешался д'Артаньян. – Думаю, нам надо отставить шутки в сторону, потому что, мне кажется, рассказ Арамиса имеет важную подоплеку и может пролить свет на существенные для нас факты. Давайте будем внимательнее. Извините нас, Арамис.

– Итак, – продолжал Арамис. – Внезапно какой-то высокий черноволосый человек, манерами напоминающий вашего дворянина из Менга, в сопровождении человек пяти подошел ко мне и сказал: «Господин герцог и вы, сударыня, прошу следовать за мной, не поднимая шума и не оказывая сопротивления».

– Он принял вас за Бекингэма, – догадался д'Артаньян, – а вашу спутницу за королеву!

– Вы исключительно проницательны, д'Артаньян, – заметил Атос.

– Интересно, почему, – отозвался Портос. – Действительно, можно предположить, что ростом Арамис похож на Бекингэма, но ведь одежда мушкетера...

– Я был одет в плащ, – смутившись, пояснил Арамис.

– Пусть так, но ведь лицо не могло их обмануть!

– Мое лицо было закрыто широкополой шляпой.

– Боже мой, в жизни не подумал бы, что ради консультации с ученым богословом надо соблюдать столько предосторожностей!

– Перестаньте, Портос, – прервал своего друга д'Артаньян. – Нам пора приниматься за дело. Приложим усилия, чтобы как можно скорее найти жену галантерейщика. Нет ничего удивительного, что королева ищет поддержки у людей низкого звания. Голову человека высокого положения видно издали, а у кардинала отличное зрение.

– И то верно, – вздохнул Портос. – Стало быть, надо договориться с галантерейщиком о хорошем вознаграждении, д'Артаньян.

– Мне думается, – заметил д'Артаньян, – что даже если не заплатит он, заплатит кое-кто повыше и поважнее...

В этот момент в комнату, где шло обсуждение, ворвался сам господин Бонасье, перепуганный до предела.

– Помогите! – кричал он. – Четверо солдат! Они пришли арестовать меня!

Портос и Арамис, взявшись за шпаги, поднялись с мест. Атос подал им знак рукой остановиться.

– Что скажете, д'Артаньян? – обратился он к гасконцу. – Как нам действовать?

Портос и Арамис недоуменно переглянулись. На их глазах Атос, которого сами они всегда привыкли слушаться, добровольно подчинился вдвое младшему д'Артаньяну. Близко узнав гасконца, Атос понял, что интуитивно д'Артаньян может в критической ситуации, когда потеряются все остальные, выбрать единственно правильное решение. Осторожность и рассудительность среди людей военных ценились так же высоко, как храбрость, ибо были качествами едва ли не более редкими, чем умение броситься на врага очертя голову.

На пороге комнаты появились четыре гвардейца. Заметив, что Бонасье находится под надежной охраной, они остановились в нерешительности.

В мгновение ока д'Артаньян сориентировался и понял, что не время разыгрывать храбрца и защитника обездоленных.

– Прошу вас, господа, входите! – неожиданно воскликнул он. – Я верный слуга короля и кардинала. Чем могу служить?

– Нам поручено арестовать этого человека, – указал начальник отряда на Бонасье. Галантерейщик задрожал, в ужасе переводя умоляющий взгляд с д'Артаньяна на мушкетеров.

– Не смеем вам мешать, – пожал плечами д'Артаньян, отступая в сторону.

– Как же так... – пробормотал Портос.

– Если сейчас мы вступимся за вас, то отправимся за решетку, – шепнул д'Артаньян побледневшему Бонасье. – А если мы останемся на свободе, то сможем выгнать вас из тюрьмы в самое ближайшее время.

– И все же... – пролепетал галантерейщик.

– Забирайте его, и держите в тюрьме как можно дольше, – хохотнул д'Артаньян, обращаясь к начальнику. – Он, видите ли пришел требовать с меня денег за квартиру!

Начальник улыбнулся.

– Не хотите ли перед уходом выпить за мое здоровье? – вдруг предложил начальнику д'Артаньян. – Выпьем за меня, потом за вас, а главное – за здоровье короля и его высокопреосвященства!

Вино, присланное несчастным Бонасье, оказалось отличным, и начальник стражи поведал, что д'Артаньян поднимал тост искренне. Отныне, если бы потребовалось свидетельствовать, он назвал бы юного гасконца самым верным приверженцем королевской власти и власти кардинала Ришелье, разумеется.

Если по уходу гвардейцев Портос принялся укорять д'Артаньяна за его недостойное поведение по отношению к Бонасье, то Арамис в самых изящных выражениях выбрал самого Портоса за недалёковидность. Он признал, вслед за Атосом, мудрость юного гасконца и просил, когда тот займет полагающееся ему по праву место господина де Тревиля, ходатайствовать за него, Арамиса, при случае.

– Один за всех и все за одного, – лаконично произнес в ответ на это д'Артаньян. – Таков, господа, отныне наш с вами девиз, и я требую, чтобы мы здесь и сейчас поклялись в верности друг другу!

Все четверо протянули вперед руки и повторили слова, сказанные д'Артаньяном. Потом он проводил друзей до дверей, и наказал им отныне относиться к своей судьбе осторожно, ибо

они больше не принадлежали себе, а принадлежали королеве, и, значит, вступили в борьбу с кардиналом.

10. Засада

После ареста господина Бонасье в его квартире была устроена засада, которая спустя два или три дня выявила всех постоянных посетителей галантерейщика и его жены. Задержанных допрашивали люди кардинала. Квартира злосчастного домовладельца находилась на первом этаже, а квартира, которую занимал д'Артаньян – на втором. Туда вел отдельный вход, поэтому его гости – а именно три мушкетера – не подвергались никаким неудобствам и допросам.

Все четверо друзей настойчиво наводили справки о пропавшей госпоже Бонасье, но поиски оказались безрезультатными. Сам д'Артаньян, используя преимущества своего места жительства, превратил свою комнату в своеобразный наблюдательный пункт. Он разобрал несколько квадратов паркета на полу и, таким образом, слышал все, о чем спрашивали попавших в засаду людей сыщики.

На следующий же после ареста галантерейщика вечер д'Артаньян услышал, как кто-то постучался во входную дверь Бонасье. Дверь отворилась и тут же захлопнулась: мышь угодила в мышеловку.

Снизу донеслись звуки борьбы. Д'Артаньян метнулся к разобранному паркету и прислонился ухом к полу. Он понял, что внизу кричит женщина, что ее обыскивают, зажимают рот, а она отчаянно сопротивляется. Молодой человек с трудом поборол естественное желание броситься несчастной на помощь и оказался прав, проявив выдержку. Спустя несколько минут женщина крикнула:

– Немедленно отпустите меня! Это какая-то ошибка! Я хозяйка этого дома!

«Вот тебе и раз! – присвистнул д'Артаньян. – Госпожа Бонасье собственной персоной! Выходит, мне снова повезло и я не выходя из дома нашел то, что мои друзья ищут по всему городу!»

Д'Артаньян немедленно позвал Планше и велел ему закрыть дыру в паркете, а потом бежать за Атосом, Портосом и Арамисом. Сам юноша, выхватив шпагу, выпрыгнул на улицу через окно.

Он вошел в квартиру Бонасье обычным способом – через дверь и, по примеру всех гостей дома угодил в засаду. Однако сидевшие в засаде сыщики не ожидали, что гость окажется вооружен. И хотя их было четверо, а молодой гасконец один, победа в считанные минуты осталась за ним, а мучители госпожи Бонасье обратились в бегство.

Только теперь благородный спаситель повернулся к лежавшей на полу без чувств даме. То, что он увидел, приятно удивило его. Перед ним была молоденькая цветущая женщина лет двадцати пяти, с темными волосами и очаровательным немного вздернутым носиком. Полуприкрытые глаза ее лучились голубизной, а беспомощно распахнутые в беззвучном крике коралловые губки обнажали ровный ряд зубов. Самое замечательное в госпоже Бонасье был цвет ее лица – нежного опалового оттенка. Правда, руки ее носили следы грубой работы и ступни ног были немного великоваты, но д'Артаньяна, по молодости, пока не смущали такие мелочи.

На полу д'Артаньян заметил крошечный батистовый платочек, в уголке которого была вышита монограмма, уже однажды виденная им на платке Арамиса. Поскольку из-за того платка они с Арамисом едва не убили друг друга, д'Артаньян на всю жизнь усвоил урок: никогда не ввязываться в истории с платками, на которых вышиты монограммы. Поэтому он молча поднял платок и вложил его в кармашек хорошенькой госпожи Бонасье.

В этот момент очаровательная хозяйка пришла в себя и увидела своего избавителя. Нимало не смутившись, она улыбнулась д'Артаньяну так, что у того закружилась голова, и протянула ему руки.

– Благодарю вас, сударь! – произнесла она, и голосок ее, словно звенящий лесной ручеек наполнил душу д'Артаньяна незнакомым юноше доселе трепетом.

– Любой дворянин на моем месте вел бы себя так же, сударыня, – ответил он, заливаясь краской.

– Что было нужно этим людям? Они хотели обокрасть нас с мужем?

– О, нет сударыня. Это люди кардинала, а они пострашнее грабителей. Вчера они арестовали вашего мужа и увезли его в Бастилию.

– Как в Бастилию? При чем тут мой муж? Он в жизни мухи не обидел!

– Единственное его преступление состоит в том, что он ваш муж, дорогая госпожа Бонасье...

– Вы все знаете...

– Я знаю, что вы были похищены, и мне известно, кем. От вашего мужа я слышал также о причине вашего похищения. Он не сомневался, что в этом деле замешана политика.

– Боже мой! Вы и это знаете!

– Как же вам удалось бежать?

– Я связала вместе несколько простынь и выбралась через окно. Мне необходимо было встретиться с мужем, чтобы попросить его...

Госпожа Бонасье умолкла.

– Попросить его о чем?

– О, это уже не моя тайна.

– Сударыня, конечно здесь не место поверять тайны. В любую минуту сюда могут вернуться гвардейцы его высокопреосвященства. Нам с вами надо немедленно уходить.

– Вы правы. Бежим скорее!

Рука об руку они кинулись вон из дома. Пробежав несколько кварталов, госпожа Бонасье остановилась.

– Надо решить, как быть дальше. Мне надо попасть в Лувр, а для этого придется вызвать господина де Ла Порты и узнать у него, что произошло во дворце за последние три дня. Беда в том, что моего мужа он знает в лицо, а вас нет, и потому не станет разговаривать с вами.

– Тогда скажите мне какое-то слово, какой-то пароль, с помощью которого двери Лувра откроются передо мной.

Госпожа Бонасье внимательно посмотрела на д'Артаньяна.

– Пообещайте мне, что забудете этот пароль, лишь только воспользуетесь им сегодня.

– Даю слово дворянина, – произнес д'Артаньян.

– Я верю вам. Теперь скажите, где мне ожидать вас все это время.

– Я думаю, лучше всего будет отвести вас к Атосу. Это мой друг. Он живет совсем рядом, на улице Феру. Я оставлю вас в его комнате, запру, а ключ унесу с собой. Мы с вами находимся в таком положении, что вполне можем пренебречь приличиями.

– Пусть будет так. Вы же отправитесь в Лувр, постучитесь у калитки, выходящей на улицу Эшель, и скажете привратнику Жермену всего два слова – Тур и Брюссель. По вашему приказу он вызовет господина де Ла Порты. Вы передадите ему, чтобы он немедленно пришел увидеться со мной.

– Я так и сделаю, – пообещал д'Артаньян.

Он отвел госпожу Бонасье к Атосу. По дороге молодые люди непринужденно болтали. Хорошенькая галантерейщица оказалась очаровательной собеседницей. К тому же она была так свежа, так весело улыбалась юноше, так нежно опиралась на его руку, что д'Артаньяну очень не хотелось расставаться с ней. Молодой человек находился еще в том возрасте, когда любовь вспыхивает быстро и ярко, тем более, что опыта в любовных делах у него не было никакого, и потому его возлюбленная казалась ему чуть ли не идеалом женщины.

– Когда я увижу вас снова? – спросил д'Артаньян, пропуская госпожу Бонасье в комнату Атоса.

– А вы хотите снова увидеть меня?

– Вы еще спрашиваете!

– Тогда я сумею устроить это. Обещаю.

Простившись с очаровательной госпожой Бонасье, д'Артаньян помчался в Лувр, чтобы в точности выполнить ее указания. Господин де Ла Порт, выслушав его, двинулся было на улицу Феру, но вдруг повернулся к д'Артаньяну и спросил его:

– Нет ли у вас знакомого, у которого отстают часы, молодой человек?

– Зачем это?

– Понимаете, вы ввязались в опасную историю, и вам необходимо алиби. У вас могут быть серьезные неприятности. Поэтому вспомните, к кому вы могли бы сейчас зайти, чтобы завтра, если этого человека спросят, он мог бы убедительно засвидетельствовать, что в половине десятого вы были у него. А до улицы Феру я доберусь самостоятельно.

Д'Артаньян и сам понимал, что ему необходимо прикрытие, поэтому отправился в дом господина де Тревиля, прошел в кабинет и, пока дожидался хозяина, успел перевести стрелки часов на сорок минут назад. Заметив, что капитан мушкетеров несколько удивлен его поздним визитом, д'Артаньян воскликнул:

– Прошу прощения, сударь, за беспокойство, но я полагал, что в двадцать пять минут десятого еще имею право навестить вас.

– Вы имеете право навещать меня в любое время суток, д'Артаньян, и я вам об этом неоднократно говорил. Однако я действительно думал, что сейчас несколько позднее. Наверное, я перепутал. Так о чем вам угодно было со мной поговорить?

Д'Артаньян принялся делиться с господином де Тревилем своими опасениями по поводу новых перипетий в отношениях королевской четы и кардинала. Он коснулся интриги вокруг Бекингема, сообщил капитану о попытке арестовать герцога в Париже. Молодой гвардеец говорил с искренней озабоченностью, так что господин де Тревиль поверил каждому его слову и расстался с ним только в десять часов, поблагодарив за сообщенные подробности.

На лестнице д'Артаньян вспомнил, что забыл в кабинете де Тревиля свою трость. Он вернулся, попутно не преминув перевести стрелки на сорок минут вперед, чтобы назавтра никто не смог бы заподозрить, что накануне часы отставали.

11. Встреча на Новом мосту

Д'Артаньян брел домой, и все его мысли были о прекрасной госпоже Бонасье. О ее муже, галантерейщике, по его милости переданном в руки сыщиков, д'Артаньян не вспоминал.

За этими приятными размышлениями д'Артаньян не заметил, как очутился поблизости от дома Арамиса. Несмотря на поздний час – часы пробили одиннадцать – юноша решил зайти к другу, чтобы поговорить с ним о своей возлюбленной. Неожиданно д'Артаньян заметил впереди фигуру, закутанную в плащ. По походке он догадался, что это женщина, причем женщина, которая не хочет, чтобы ее узнали. Каково же было удивление д'Артаньяна, когда он увидел, что незнакомка направляется именно к дому Арамиса. Решив, что если он проследит за женщиной, ему удастся пролить свет на тайную жизнь его друга, д'Артаньян отодвинулся в тень.

Женщина остановилась, кашлянула – наверное, это был условный сигнал – и решительными шагами направилась прямо к окну Арамиса. Она постучала в ставень, внутри мелькнул свет. К удивлению д'Артаньяна, ставень раскрылся. Женщина передала внутрь маленький белый сверток, сильно напоминающий платок, уже виденный гасконцем в руках Арамиса, а также в кармашке госпожи Бонасье. Д'Артаньян улучил момент и заглянул в окно. С ночной посетительницей разговаривал не Арамис, а женщина!

Обменявшись с женщиной несколькими словами, закутанная в плащ особа повернулась, намереваясь пуститься в обратный путь. Всего на долю секунды она замешкалась, не успев надвинуть на лицо капюшон плаща. Этого оказалось достаточно, чтобы д'Артаньян узнал ее и задрожал от ревности. Ночью в окно Арамиса стучалась госпожа Бонасье!

Он ни на секунду не сомневался, что если она сейчас не зашла в дом и не встретилась со своим любовником, то встретится чуть позже. Поэтому он, не раздумывая, решил следить за ней дальше. Однако госпожа Бонасье заметила, что за ней наблюдают. Вскрикнув, она бросилась бежать. Д'Артаньян погнался за ней и спустя несколько минут обхватил молодую женщину за талию. К счастью, госпожа Бонасье сразу узнала своего спасителя и не стала кричать.

Хотя д'Артаньян был знаком с госпожой Бонасье всего несколько часов и даже не знал ее имени, в своих мечтах он уже видел ее своей возлюбленной. Ему казалось, что поскольку чувство захватило его целиком, то между ним и молодой галантерейщицей уже все давно решено. Поэтому ночные похождения госпожи Бонасье представлялись ему чуть ли не личным оскорблением. Терзаемый ревностью, д'Артаньян принялся расспрашивать ее, с какой целью она стучалась ночью в окно Арамиса. К его удивлению, госпожа Бонасье не знала, кому принадлежит этот дом, не знала даже имени Арамиса, а женщину, с которой она разговаривала через окно, называть отказывалась, ссылаясь на то, что это тайна, которая принадлежит не ей.

Д'Артаньян настоял на том, чтобы проводить госпожу Бонасье к следующему пункту ее ночного маршрута и дал слово, что после этого уже не будет следить за ней. Молодая женщина так горячо убеждала его в том, что ночные прогулки не имеют никакого отношения к ее любовным приключениям, что гасконец поверил ей безоговорочно.

В полночь он оставил госпожу Бонасье у дома на улице Лагарп и удалился, сопровождаемый ее мольбами о том, чтобы он не пытался вмешиваться в ее дела, поскольку за знакомство с ней юноша мог заплатить жизнью.

Вернувшись домой, д'Артаньян получил от Планше дурные новости. Во-первых, арестовали Атоса. Атос зашел к д'Артаньяну, а стражники, вернувшиеся в дом Бонасье, приняли его за молодого гасконца. Атос не стал их разубеждать, полагая, что на свободе важнее быть д'Артаньяну, а не ему.

Д'Артаньян бросился к господину де Тревилю, чтобы поставить его в известность о случившемся. По дороге, на Новом мосту, д'Артаньян заметил странную пару. Женщина, закутанная в плащ, напоминала госпожу Бонасье, а мужчина в форме мушкетера – Арамиса.

Подозрения снова всколыхнули ревность в душе д'Артаньяна. Ему казалось, что друг и возлюбленная обманывают его. Он двинулся вслед за парочкой, почти уверенный, что перед ним – его друг и его возлюбленная, коварно изменившая ему. О том, что госпожа Бонасье не обязана ему никакой клятвой, д'Артаньян как-то не подумал. Он забежал вперед, развернулся и столкнулся с незнакомцами лицом к лицу.

– В чем дело, сударь? – спросил мужчина.

Его акцент мгновенно рассеял все подозрения д'Артаньяна. Перед ним стоял не Арамис. Однако под плащом действительно скрывалась госпожа Бонасье.

– Зачем вы это сделали? – укоризненно произнесла она. – Вы же дали мне слово дворянина, что не станете следить за мной. Я думала, что могу положиться на вас...

– А вы... вы... – забормотал растерянный юноша.

– Позвольте, – отстранил д'Артаньяна мужчина и взял госпожу Бонасье под руку. – Мы спешим.

– Ах так! – воскликнул д'Артаньян и выхватил шпагу.

Мужчина не заставил просить себя дважды.

Госпожа Бонасье повисла у него на руке.

– Умоляю вас, милорд! – вырвалось у нее.

Этот единственный возглас все объяснил незадачливому ревнивцу. Перед ним стоял сам герцог Бекингэм, которого госпожа Бонасье вела в Лувр, к королеве. Именно из-за этого опасного предприятия подручные кардинала вначале похитили ее, а потом арестовали ее мужа.

– Прошу прощения, милорд, – отступил д'Артаньян. – Я погорячился. Я ревновал. Вы же знаете, что такое любовь, и как мучительна ревность, милорд. Могу ли я искупить свою невольную вину?

– Что ж, – улыбнулся Бекингэм, вкладывая шпагу в ножны. – Я верю вам. Я принимаю ваши услуги. Наш путь безопасен. Проводите нас до Лувра, и если кто-то попытается помешать нам, разделайтесь с негодяем.

К счастью, отважному гасконцу не пришлось в эту ночь доказать на деле свою храбрость герцогу. Человек в одежде мушкетера и его спутница под надежной охраной благополучно вошли в калитку Лувра со стороны улицы Эшель, а д'Артаньян двинулся в кабачок «Сосновая шишка», где его дожидались Портос и Арамис.

12. Герцог Бекингэм

Джордж Вилльерс, герцог Бекингэмский, самый красивый вельможа Англии, самый изысканный кавалер Франции, любимец двух монархов, сказочно богатый человек, могущественный властитель Британских островов, которые он по собственному капризу мог ввергнуть в войну или осчастливить миром, был уверен, что человеческие законы написаны не для него и нарушал их по своему усмотрению. Перешагнув рубеж тридцатипятилетия, он был всем сердцем влюблен в женщину прекрасную и недоступную, но от этого не менее желанную. Если смелый и предприимчивый герцог Бекингэм ставил себе цель, то какой бы неосуществимой она ни казалась, он всегда добивался ее. Так и сегодня, невзирая на все препятствия и ловушки, расставленные ему кардиналом, герцог добрался до святой святых – апартаментов королевы Франции, красавицы Анны Австрийской.

Теперь он стоял в комнате прислуги в Лувре, куда его привела госпожа Бонасье, и рассматривал себя в зеркале. Мушкетерское платье очень шло ему. Он улыбался своему отражению, счастливый и гордый от того, что заветная цель была столь близка.

Скрытая в обивке стены за спиной герцога дверь бесшумно отворилась. В комнате появилась женщина в белом платье. Бекингэм увидел ее в зеркале, и радость озарила его лицо. Королева Анна почтила его своим присутствием.

В то время Анне Австрийской было около двадцати пяти лет, и ее ослепительная красота находилась в самом расцвете. Горделивая посадка головы, тонкие черты лица, бархатистая кожа, изумрудные глаза, чуть припудренные волосы каштанового оттенка, изящно обрамлявшие ее лицо, красиво очерченные руки и плечи, походка небожительницы – все это поражало воображение поэтов эпохи, воспевавших королеву в стихах. Прежде, чем королева успела сказать хоть слово, герцог упал перед ней на колени и поднес край платья к губам.

– Милорд, – начала королева. – Вам уже известно, что не я написала письмо, вызвавшее вас в Париж.

– Я понимаю, ваше величество, – проговорил герцог, – безумие надеяться на то, что вы ответите на мое чувство. Но что же делать – любовь ослепляет! Я поверил, что вы хотели меня видеть, потому что хотел поверить в это. И я не раскаиваюсь, ибо награда за мое долгое путешествие превзошла мои ожидания. Я снов а вижу вас, я говорю с вами! Ради этого я пережил бы любые опасности!

– Я согласилась увидеться с вами, – продолжила Анна Австрийская, – чтобы сказать: нас разделяет слишком многое. Наши встречи не могут продолжаться. Вы рискуете жизнью, я – честью. Я никогда не говорила, что люблю вас...

– Но вы не говорили и обратного! Пусть я рискую жизнью, я готов к этому. Что до бесчестья... Разве разлучать сердца, созданные друг для друга – не бесчестье! Три года я люблю вас, с той самой минуты, как впервые увидел, и разве существует на свете любовь сильнее моей? Мою любовь не может ослабить ни расстояние, ни вражда между нашими государствами, ни безнадежность, потому что вы сочетались постылым браком с другим! Свою страсть я питаю воспоминаниями о наших встречах – их было всего четыре, включая сегодняшнюю. Я знаю, как вы одиноки, как страдаете, о моя королева! Все богатство, всю славу, всю оставшуюся жизнь я готов отдать за счастье коснуться вашей руки, вашего лица!

– Но обстоятельства против нас, милорд. Король, подстрекаемый кардиналом, страшно гневается на меня. Вы правы, я совершенно одинока, мне не на кого положиться во дворце. Все мои друзья впали в немилость и удалены. Король даже воспротивился тому, чтобы вы приехали во Францию в качестве посла.

– Что ж, Франция заплатит за это войной! Мне не дают видеться с вами – так я начну кампанию против вашей страны. Я знаю, что война принесет ненужные жертвы, знаю, что не

овладею Парижем. Но заключать с французами перемирие пошлют именно меня, и сам кардинал ничего не сможет с этим поделать! Я вернусь в Париж. Кто тогда скажет, что хоть у одной женщины на свете был обожатель более верный, чем у вас? Ради того, чтобы видеть вас, я готов рисковать. В последнее время меня терзают предчувствия близкой смерти...

– Боже мой! – невольно воскликнула королева. Та искренняя обеспокоенность, которая прозвучала в ее тоне, лучше всяких слов сказала Бекингэму, что он любим, и любим глубоко. – Вы знаете, меня тоже преследуют сны, я вижу вас окровавленного на земле...

– Раненного ножом в левый бок? – перебил ее герцог.

– Именно так. Откуда вы знаете? Я не рассказывала этот сон никому...

– Сударыня! – Бекингэм прижал край ее платья к лицу. – Благодарю вас! Вы любите меня! Как же я счастлив!

– Что вы говорите, милорд! Вы забываетесь!

– О нет, моя королева! Господь не посылал бы нам с вами одинаковые сны, если бы наши сердца не были соединены любовью! Скажите, станете ли вы оплакивать меня?

– Перестаньте! – королева отвернулась, чтобы скрыть слезы. – Вы приводите меня в отчаяние! Уезжайте немедленно! Меня мучают мысли о том, что вы можете погибнуть во Франции, и что причина возможной вашей гибели – любовь ко мне. Я не перенесу этого! Уезжайте! Вы вернетесь потом, в качестве посла, под надежной охраной... Тогда мне будет спокойнее за вас, я перестану бояться за вашу жизнь ежеминутно...

– Неужели все это правда?

– Да...

– Как я люблю вас... Я исполню ваше требование. Но прежде... Дайте мне на память о ваших словах какую-нибудь вещицу, которую вы носили и которую я тоже мог бы носить – кольцо, цепочку... Я буду смотреть на нее, и она станет свидетельством того, что наша встреча мне не приснилась.

– Подождите, милорд.

Королева вышла из комнаты и вернулась, держа в руках изумительной красоты ларец розового дерева с инкрустацией и королевской монограммой.

– Возьмите эти подвески, милорд, – произнесла она, когда Бекингэм вновь упал к ее ногам, – и покиньте Францию этой же ночью.

– Всего один поцелуй, сударыня, и я исполню все, что вы просите.

Королева протянула ему руку, и герцог припал к ней губами.

– Самое позднее – через полгода, – пообещал он, поднимаясь, – я снова увижу вас. Пусть ради этого мне придется перевернуть мир и утопить Британию. Первый мой удар будет нанесен по Ла-Рошели.

Он вышел из комнаты и в сопровождении верной госпожи Бонасье с невероятными предосторожностями покинул Лувр.

13. В застенках Бастилии

А в это время господин Бонасье сидел перед комиссаром в подземелье Бастилии. Комиссар, осведомившись об имени, возрасте и роде занятий арестанта, произнес целую речь о том, как опасно маленькому человеку ввязываться в политику. Вслед за этим комиссар принялся распространяться о могуществе и влиятельности кардинала. Он называл Ришелье великим министром, который еще многие годы будет служить будущим государственным деятелям образцом для подражания. Бонасье слушал его и проклинал тот день и час, когда камердинеру Ла Порту вздумалось женить его на своей крестнице, а потом определить эту крестницу в услужение к королеве. Бонасье никак не мог взять в толк, почему арестовали именно его, о чем и сказал комиссару, прибавив, что не совершал ничего, что могло бы не понравиться его высокопреосвященству. В ответ комиссар заявил, что Бонасье обвиняют – ни много, ни мало – в государственной измене, и поинтересовался, знает ли галантерейщик, где находится его жена.

– Ее похитили, – прошептал ошарашенный обвинением в измене Бонасье.

– Кто же это был?

– Имени я не знаю, но узнал бы его среди тысяч других.

Реакция комиссара была настолько странной, что Бонасье сразу понял: он ответил совсем не то, что надо. Комиссар вызвал стражников и приказал увести Бонасье в камеру, объяснив, что дело его принимает другой оборот. Раз Бонасье известен похититель его жены, комиссару требуется уведомить кое-кого об этом.

Бонасье совсем пал духом. Ночь он провел без сна. Ему мерещилось, что за ним вот-вот придут, чтобы отвести на виселицу и покарать за какое-то страшное, неведомое ему преступление, причем преступление, которое совершил не он, а его жена.

Утром его снова вызвал на допрос комиссар.

– Ваша жена вчера сбежала. Вы должны рассказать, что вам известно о ее побеге, в особенности все, что касается участия в этом деле господина д'Артаньяна.

– Господин комиссар, для меня полная неожиданность, что моя жена на свободе. А господин д'Артаньян... Я действительно был у него и просил помочь мне разыскать жену. Я думал, что поскольку я муж, то имею на это право. Я ошибался и прошу простить меня. Этот господин согласился мне помочь, но потом отказался от своих слов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.